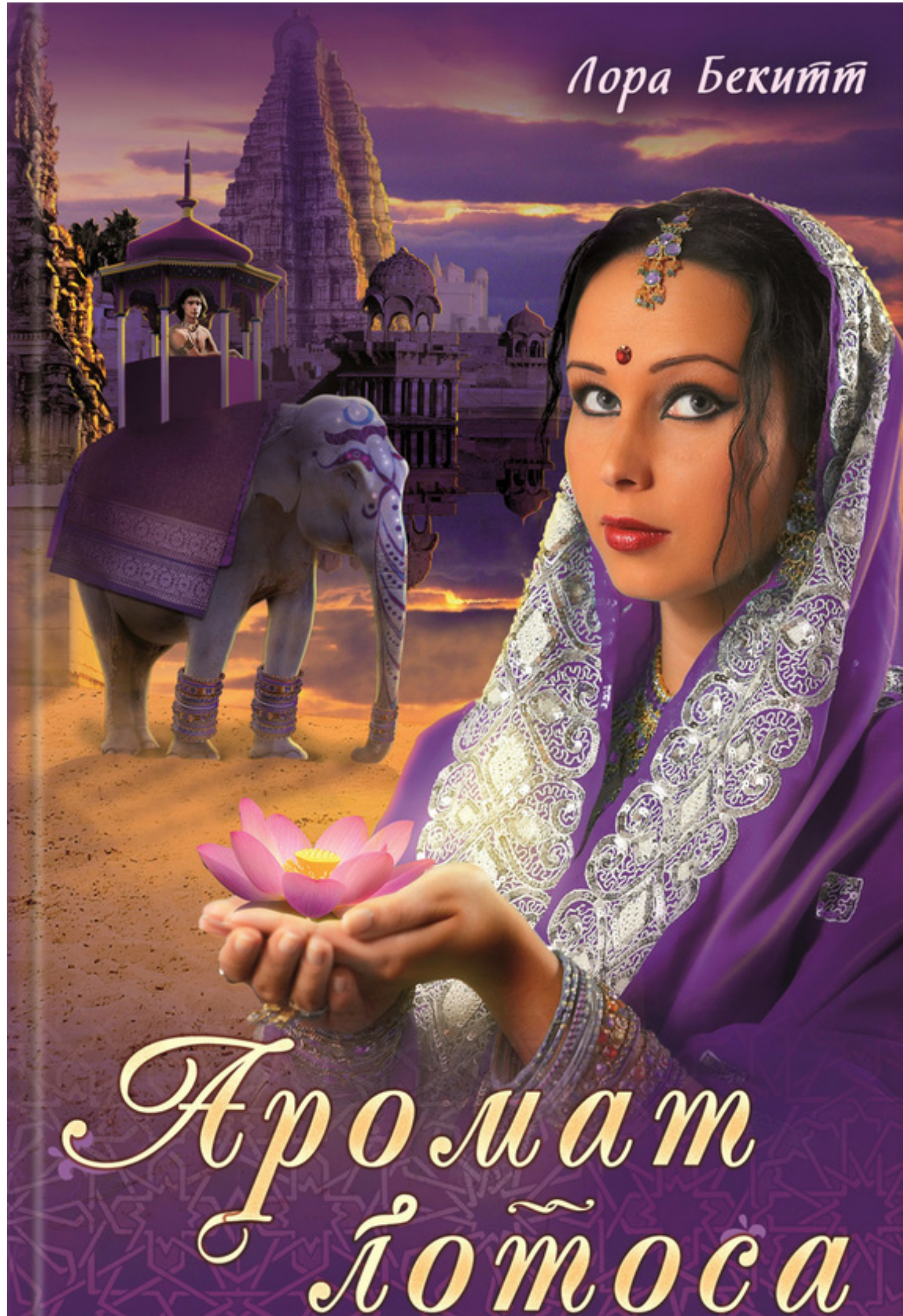

Лора Бекитт

Аромат лотоса

Лора Бекитт

Аромат лотоса (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2010

ББК 84.4РОС

Бекитт Л.

Аромат лотоса (сборник) / Л. Бекитт — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 2010

В книге представлены два увлекательных романа, действие которых происходит в многоликой Индии. Роман «Девадаси» рассказывает о судьбе девушек-жриц, «жен бога», смыслом жизни которых становится танец. Вот только желание обрести женское счастье по-прежнему волнует их... «Верность любви» – о нелегком пути к счастью двух одиноких сердец. Судьба забрасывает француза Анри де Лавалья в далекую страну, где он встречает индийскую девушку Тулси, которая ничего не знает о его тяжелом прошлом...

ББК 84.4РОС

© Бекитт Л., 2010
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2010

Содержание

От автора	6
Девадаси	7
Пролог	7
Часть первая	10
Глава I	10
Глава II	15
Глава III	23
Глава IV	31
Глава V	37
Глава VI	43
Глава VII	49
Глава VIII	58
Глава IX	65
Глава X	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Лора Бекитт
Аромат лотоса (сборник)

© Лора Бекитт, 2010

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2010

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2010

* * *

От автора

Романы «Девадаси» и «Верность любви», в которых волшебная сказка сочетается с трагической реальностью, посвящены Индии, многоликой и вместе с тем узнаваемой, как никакая другая страна. Жизнь ее народа полна противоречий и бед, и в то же время индийцы, как никто другой, умеют радоваться тому, что существуют на свете.

В одном из произведений повествуется о нелегкой судьбе девушек-девадаси, «жен бога», смыслом жизни которых становится танец, а еще – желание обрести простое женское счастье.

Подруги Амрита и Тара, первую из которых продали в храм родители, а вторая – подкидыш, счастливы и несчастны, свободны и несвободны. Они посвящены богу Шиве, и им запрещено выходить замуж за земных мужчин. Однако человеческое сердце живет по своим собственным законам, и девушкам суждено пройти через нелегкие испытания в борьбе за право любить и быть любимыми.

Другой роман рассказывает о французском дворянине, преданном своей возлюбленной и осужденном за преступление, которого он не совершал. Судьба забрасывает Анри де Лаваля в далекую страну, и он обретает надежду на будущее благодаря встрече с индийской девушкой Тулси, терзаемой совестью за собственный проступок – бегство от самосожжения после смерти мужа. Европейца и индианку, людей разных культур, воспитания и веры, сближает любовь – единственное, что способно преодолеть предрассудки, расстояние, время.

Две истории обретения трудного, но до боли желанного счастья – это истории свершения чуда вопреки козням судьбы, веры в то, что благородство души, трудолюбие и талант способны победить в любых обстоятельствах. Это мое признание в любви к стране, чей народ, несмотря на все невзгоды, поет, кружится в танце и смотрит в будущее с улыбкой, чья неповторимая красота навсегда берет сердце в плен.

Девадаси

Пролог

В весенний день 1740 года, когда родилась Амрита, шел дождь, такой же унылый и серый, как жизнь бедняка.

Раму сидел на корточках под ветхим навесом, с которого бесконечным потоком лилась вода, и терпеливо ждал, когда ему позволят войти в хижину, откуда доносились душераздирающие крики его жены Гиты.

Когда голос роженицы смолк и на пороге появилась деревенская повитуха, мужчина с надеждой поднял глаза.

– Девочка, – сурово изрекла женщина, и Раму обреченно опустил плечи.

Седьмая дочь за тринадцать лет брака и ни одного мальчика: едва ли боги могли придумать более изощренное наказание! Вероятно, в одной из прежних жизней он совершил жестокое преступление, а быть может, когда-то в прошлом у него рождались одни сыновья.

Раму поднялся и направился в дом.

Здесь не было окон, и свет проникал через узкий дверной проем. Бамбуковые жерди на потолке закоптились, с них свисали лохмотья сажки. На земляном полу – несколько потертых циновок. У тлеющего очага – глиняные горшки. Пахло дымом и сыростью.

Гита лежала, вытянув руки вдоль тела, изможденная и безучастная. Поглядев на жену, Раму подумал о том, как сильно может изменить человека паутина житейских неурядиц. Когда-то Гита была веселой, здоровой, красивой, она много смеялась, любила танцевать и петь.

Сейчас он видел перед собой постаревшую, угасшую, обессиленную женщину.

– Я приношу тебе одни лишь несчастья, Раму, – подала голос жена. – Седьмая дочь! Уж лучше бы я умерла!

– Не говори глупостей, Гита. Лучше подумай о том, как мы ее назовем.

– Мне все равно, – сказала женщина и отвернулась к стене. – Я не хочу ее видеть!

– Зря ты так, – с укором промолвил Раму и посмотрел на новорожденную, которая лежала в изголовье матери.

Ничего особенного, девчонка как девчонка, кусок мяса, который будет расти, есть и пить, высасывая из измученных родителей последние соки. Иное дело, если бы родился мальчик! Сын, который поддерживает отца и мать при жизни и провожает их в последний путь, совершает обряды, обеспечивающие родителям беспрепятственный переход в следующее рождение. Недаром говорят, что в отличие от дочерей сыновья рождаются не из чрева, а из сердца!

Выйдя из дома, Раму увидел во дворе деревенского астролога, старика по имени Бхадра, и развел руками. Тот мог бы не приходить в дом бедного шудры¹, над которым в седьмой раз посмеялась судьба.

– Знаю, Раму! – поспешно произнес Бхадра, поднимая ладони. – Я хочу сказать, что твоя дочь родилась под счастливой звездой. Ее ждет необычная жизнь. Она будет красива, богата, умна. Вдобавок боги наградили ее редкостным даром.

– Каким?

– Время покажет, – уклончиво ответил астролог.

¹ Шудра – низшая каста в индийском обществе. Ниже шудр стояли только неприкасаемые.

Раму невольно поднял глаза. Дождь закончился, но небо было затянуто серой пеленой. Какие звезды способен разглядеть на пасмурном небе старый обманщик Бхадра?

С другой стороны, он был рад и такому утешению и безропотно протянул старику рупию.

Вскоре дочери, которых на время родов матери отослали к соседям, вернулись домой и хижина наполнилась детскими голосами. Сестры тоже не уделили малышке внимания: они давно привыкли к тому, что каждый год их становится на одну больше.

Ночью Гита осторожно поднялась с циновки, взяла новорожденную и тихо вышла из дома.

Дул прохладный ветер. Деревенские улицы тонули в темноте; лишь в некоторых хижинах мелькали тусклые огоньки. Небо очистилось, и луна освещала джунгли призрачным голубоватым сиянием. Раскидистые кроны деревьев приняли нереальные, причудливые очертания.

Мало кто осмеливался покидать деревню в тот час, когда в джунглях пробуждалась таинственная ночная жизнь, однако Гита бесстрашно открыла ворота и быстро пошла по направлению к мрачной чаще.

Извилистая тропинка едва угадывалась в густых зарослях. Порой жгуты лиан цеплялись за плечи, задевали лицо, и Гита нетерпеливо отстраняла их рукой.

Кругом трещали цикады, перекликались ночные птицы. Сквозь узоры листвы пробивалось сияние сверкающей россыпи звезд.

Женщина не испытывала страха ни перед тем, что собиралась сделать, ни перед собственной гибелью. Если на нее нападет дикий зверь, она будет избавлена от бремени жизни, в которой так много забот и так мало радости. Что касается другого...

Гита была далеко не единственной, кто поступал подобным образом. Соседям можно сказать, что ребенок умер. Никто ничего не заподозрит, а если заподозрит, то не осудит. Выдать замуж семь дочерей, семь раз приготовить приданое под силу лишь богачу из высшей касты, но никак не бедному шудре!

Быть может, своим поступком она разорвет бесконечный круг, боги поймут свою ошибку и наконец подарят им с Раму сына!

Едва ли у нее достало бы сил живьем закопать девочку в землю, как делали иные люди: она положила малышку на траву в стороне от тропинки и быстрым шагом вернулась обратно.

Утром Раму с удивлением увидел, что новорожденная исчезла.

– Гита, – он тронул жену за плечо, – где девочка?

Женщина открыла глаза, и они предательски забежали.

– Не знаю.

– Как не знаешь?!

Разбудили дочерей. Те ответили, что ничего не видели и не слышали.

– Ее унесли духи или утащил дикий зверь, – попыталась объяснить Гита, но Раму не верил.

– Не лги, – сурово произнес он. – Что ты с ней сделала? Если не скажешь, я не найду покоя ни в этой, ни во всех последующих жизнях!

У него было такое выражение лица, что женщина сдалась.

– Я отнесла ее в джунгли и оставила там, – тихо сказала она.

– Ночью?!

– Да.

Наступила оглушающая тишина. Раму не знал, что делать: кричать, бить жену? Каменное спокойствие Гиты внушало мысль о том, что она сошла с ума.

Мужчина молча поднялся и вышел из хижины.

Он догадывался, по какой тропинке шла жена. Раму не сомневался в том, что ребенка давным-давно съели дикие звери, и все же какая-то неумолимая сила вела его вперед.

На кронах деревьев висели клочья тумана, который постепенно исчезал, растворяясь в утреннем воздухе. Когда он окончательно растаял, джунгли стали походить на безбрежный зеленый океан. Деревья и траву покрывала обильная роса, которая быстро высыхала под лучами горячего солнца.

Вскоре Раму различил сквозь птичий щебет тонкий детский плач и его сердце радостно забило. Он побежал на этот звук с таким чувством, словно услышал глас божества.

Девочка лежала в траве, разметав пеленки, и громко кричала. Раму не выдержал и прослезился. Какая она терпеливая и сильная, какой у нее звонкий голос!

Он взял дочь на руки. Она насквозь промокла и замерзла, но мужчина не сомневался в том, что ребенок выживет. Боги дали понять, что им не нужна такая страшная жертва!

Вернувшись назад и войдя во двор, Раму поискал глазами жену. Как большинство деревенских женщин, на другой день после родов она встала с постели и занялась повседневными делами. Сейчас Гита сидела на корточках, повернувшись к мужу худой напряженной спиной, и с привычной ловкостью смешивала солому с коровьим навозом.

Раму окликнул женщину, она обернулась, и он увидел, что ее лицо залито слезами. Муж протянул ей ребенка и произнес непререкаемым тоном:

– Ее будут звать Амрита².

² Амрита – «бессмертная». В индийской мифологии – божественный напиток, нектар бессмертия, добытый во время пахтанья океана богами и демонами.

Часть первая Храм

Глава I Семья

Старшие дочери Раму и Гиты прекрасно справлялись с домашним хозяйством, и потому на долю семилетней Амриты обычно доставалась самая необременительная работа – присматривать за младшими братьями. Она играла с ними в камешки, носилась наперегонки по деревенским улицам, вскарабкивалась на деревья, собирала и жевала душистую смолку, сооружала ловушки для насекомых и мелких зверушек, словом, участвовала во всех проделках Васу и Ромеша.

Родители закрывали глаза на ее шалости: после драмы, разразившейся в связи с появлением Амриты на свет (о чем девочка, к счастью, никогда не узнала), младшая дочь сделалась их любимицей. И Раму, и Гита относились к ней лучше, чем к сыновьям, которых им в конце концов подарили боги.

Последние годы жизнь семьи была очень тяжелой. Кругом свирепствовал голод. Хотя жители глухой индийской деревни ни разу не видели ни одного англичанина, до них доходили слухи о том, что именно белые люди повинны в смерти множества стариков и малых детей.

Каждая горстка риса, каждая капля молока были на счету. Гита варила похлебку из травы, а в муку, из которой пекла лепешки, подмешивала рисовую шелуху.

Каким-то чудом им с Раму удалось выдать замуж двух старших дочерей: четырнадцатилетняя Танга стала женой немолодого соседа-вдовца, а тринадцатилетнюю Малу отдали в семью, где кроме ее юного мужа было еще пятнадцать детей. Что делать с остальными девочками, откуда взять приданое, родители не знали: Раму забыл, когда в последний раз держал в руках хотя бы одну рупию.

Отец семейства от зари до зари трудился на рисовом поле, Гита вместе со старшими девочками копалась в огороде, младшие собирали в джунглях плоды манго, лайма и других деревьев, и все-таки этого было недостаточно для того, чтобы прокормить большую семью. По приказу колониальных властей деревенский староста и его помощники отбирали у крестьян половину урожая.

Однажды в сезон дождей младший сын Раму и Гиты, четырехлетний Ромеш, тяжело заболел. Он кашлял и прерывисто, судорожно дышал. Женщина поила его настоем целебных трав, выпросила у соседки немного жира и растерла им ребенку грудь, но малышу становилось все хуже.

Гита долго сидела возле постели сына, ломая руки и вполголоса повторяя молитвы, потом встала и решительно произнесла:

– Я пойду к Вишалу. Я знаю, у него есть лекарства, которые могут помочь.

Вишал, деревенский брахман³, был одним из самых богатых людей в округе.

– К Вишалу?! – воскликнул муж. – У тебя нет денег!

– То, что у меня нет денег, еще не означает, что у него нет сердца, – отрезала Гита и вышла за дверь.

– Я пойду с тобой, – заявил Раму и отправился следом.

³ Брахманы – представители высшей, жреческой касты, по преданию созданной из головы великого бога Брахмы.

Над горизонтом громоздились иссиня-черные, полные влаги тучи, по улицам кружили вихри белой пыли. Порой в вышине вспыхивала ярко-красная ветвистая молния.

Раму то и дело боязливо поглядывал на небо, но Гита, крепко прижав к себе ребенка, упорно шагала вперед и не обращала внимания на готовую взбунтоваться стихию. Амрита давно догадывалась, что в тайных глубинах материнского сердца куда больше смелости и силы, чем в душе отца.

Девочка сама не заметила, как выскользнула из дома и побежала за родителями. Те шли, не оглядываясь, потому и не заметили Амриту: в противном случае мать немедленно прогнала бы ее, заставив вернуться обратно.

Едва родители вошли во двор дома жреца, как хлынул дождь. Амрита кинулась к боковому навесу и притаилась там.

Дождь невольно помог Раму и Гите: слуги Вишала бросились врассыпную – кто-то начал загонять скот, кто-то укрылся от ливня, и шудры беспрепятственно проникли в дом жреца.

Вскоре девочке стало скучно сидеть на месте и наблюдать за тяжелой стальной завесой ливня; ей захотелось узнать, что происходит внутри дома.

Осторожно, дабы не быть замеченной слугами, Амрита пробралась в комнаты. Ей никогда не доводилось бывать в жилище деревенского жреца, и теперь она поразилась тому, насколько сильно его обстановка отличалась от той, какую она привыкла видеть в своей хижине.

Пол был застлан ковром, возле стены стоял покрытый подушками диван, и над ним висел кисейный полог от москитов. От серебряной курильницы, стоявшей на подставке из сандалового дерева, распространялся аромат благовоний.

Вишал и еще какой-то незнакомый, хорошо одетый человек сидели на диване, а Гита и Раму стояли перед ними. Раму – угодливо и боязливо склонившись, Гита – не сгибая спины. Амрита услышала, как Вишал гневно воскликнул:

– Что ты себе позволяешь! Убирайтесь, не то я велю вышвырнуть вас вон!

– Нет-нет, – довольно мягко произнес его гость. – Она права. Я тоже считаю налоги непомерно высокими и рад был бы их снизить, но таков приказ заминдара⁴. Тот, в свою очередь, зависит от английских властей. – И обратился к Гите: – Сколько у тебя детей, женщина?

– Семь дочерей и два сына, господин, – сдавленно произнесла Гита.

Незнакомец покачал головой.

– Надо дать им отсрочку, Вишал. Передай старосте: пусть платят половину того, что должны платить.

– Как скажете, господин.

Жрец подобострастно кивнул, подумав о том, что ни одна деревенская семья не насчитывает меньше пяти детей. Остается надеяться, что управляющий владениями заминдара, господин Дипак, который приехал проверить, как выполняются распоряжения хозяина, скоро забудет о своей благодетельности.

Надо было сразу дать Гите лекарство, а не прогонять ее прочь! В ответ сумасшедшая женщина разразилась гневной тирадой, не стесняясь высокопоставленного гостя! Обвинила жреца, а заодно и деревенского старосту в жадности, жестокости, несправедливости и воровстве в присутствии доверенного лица самого заминдара! Вишал решил, что не даст спуску слугам, пропустившим в дом наглуую шудру.

Раму и Гита хотели идти, как вдруг господин Дипак заметил Амриту, которая заглядывала в дверь. Улыбнувшись, он поманил ее пальцем.

⁴ Во времена английского завоевания Индии заминдарами называли феодалов, утвержденных в правах собственника земли, на которой трудились крестьяне, и плативших налог колониальным властям.

– А ты кто такая?

Вишал щелкнул пальцами от досады, когда вместо того, чтобы убежать, девочка вошла в комнату, поклонилась и сказала: – Меня зовут Амрита.

Она брала пример с матери. Раму всегда боялся тех, кто богаче и выше по положению, тогда как ожесточенной жизнью Гите была присуща некая звериная смелость.

Незнакомец пугал Амриту и вместе с тем вызывал интерес. Нет, не шелковым тюрбаном и одеждой, какую она никогда не видела на жителях родной деревни, а своим спокойным и умным лицом. Девочка чувствовала: этот господин олицетворяет собой другой мир, не похожий на тот, в котором жила она.

Господин Дипак с любопытством разглядывал девочку. Нежное личико, большие темные глаза, безудержная живость, проявлявшаяся в каждом движении и взгляде. Внутри нее будто горел яркий трепещущий огонек: этот ребенок не был похож на забитых, пугливых крестьянских детей. Как жаль, что такая девочка обречена на жалкое существование в глухой, нищей деревне!

Его жена была больна и не могла рожать, потому он внимательно относился к чужим детям. Господин Дипак знал об ужасающих условиях, в которых живут крестьяне. Он много разъезжал по округе, видел иссохшие тела деревенских жителей и их голодные глаза. Он не мог изменить их судьбу, и его доброе сердце было переполнено чувством горестного бессилия.

Индийцы привыкли к угнетению, но еще никогда оно не было столь безжалостным. Власть англичан была сродни власти злых богов, а не существ, созданных из плоти и крови. Они распоряжались жизнью и смертью индийцев, назначали телесные наказания, штрафы, бросали невинных в тюрьмы и требовали выкуп. Принуждали местных жителей покупать посевное зерно втридорога и продавать урожай по дешевке. Заставляли население деревень платить налоги за бежавших или умерших односельчан. Они ездили по провинциям, сея страх и грабя все, что попадалось на их пути. Тем, кто отказывался подчиняться их требованиям, колонисты грозили жестокой смертью.

Несчастный народ и не пытался сопротивляться, он с горечью и бесконечным терпением покорялся судьбе. В Калькутте накапливались несметные состояния, тогда как по всей стране миллионы людей умирали от голода.

Господин Дипак наклонился к Амрите.

– Сколько тебе лет?

– Семь. Это наша младшая дочь, – ответила за девочку Гита.

– Нелегко выдать замуж семь дочерей, – заметил управляющий заминдара.

На сей раз ответил Раму:

– Да, господин.

В его голосе звучала обреченность, и господин Дипак сказал:

– Недавно я посетил одно любопытное место. Оно находится недалеко от Калькутты, в Бишнупуре. Это храм, посвященный Шиве⁵. Отсюда до него примерно два дня пути. Попро-
буйте показать девочку жрецам. Мне кажется, вашу дочь возьмут в храм. Она научится танцевать и петь, понимать священные тексты. Ей не придется голодать, она не увидит нищеты, не узнает ужасов войны. Вашей семье будет обещано расположение и благосклонность богов. Кроме того, жрецы заплатят вам деньги.

– Они выдадут Амриту замуж? – осмелился спросить Раму.

– Девушки, которых посвятили богу, не выходят замуж за смертных, они становятся девадаси, «женами бога», и навсегда остаются в храме. Сделаться храмовой танцовщицей –

⁵ Шива – бог очистительного разрушения, одно из божеств верховной триады, наряду с творцом Брахмой и хранителем Вишной.

великая честь. Танец угоден богам, особенно его создателю – Шиве. – Дипак ободряюще улыбнулся. – Неверно выбранная жизненная дорога делает человека унылым и злым. Если твоей дочери повезет, она найдет свою судьбу и будет счастлива.

– Мы шудры. Разве таких, как мы, берут на службу в храм?

– Жрецы не обращают внимания на кастовые различия.

Главное, чтобы девушка была талантлива и красива.

Раму согласно кивнул, но не поверил словам господина. Человек, рожденный в рамках определенного сословия, может выйти из него, только умерев и родившись заново. Шудра никогда не сумеет занять место, которое уготовано брахману, а брахман, наоборот, никогда не станет шудрой.

Хотя из того, что было сказано добрым и умным господином, Амрита почти ничего не поняла, она почувствовала, что у нее горит лицо. Между тем Гита схватила дочь за руку и попятилась к выходу, бормоча слова благодарности.

Девочка ощутила внутреннее сопротивление матери и удивилась, потому что, вне всякого сомнения, незнакомец желал им добра.

Дома Ромешу дали лекарство, и вскоре мальчик поправился. Однако несдержанность Гиты имела плохие последствия: староста деревни и жрец не только приказали Раму сполна уплатить налог, но и выделили самую скудную землю, где были одни камни, песок и глина.

Гита ни разу не вспомнила о совете незнакомого господина, но однажды вечером, когда ужин в очередной раз заменили несколькими глотками воды и дети улеглись спать плачущие и голодные, Раму сам заговорил об этом.

– Помнишь, что сказал гость Вишала? Если Амриту возьмут в храм, нам заплатят деньги. Это спасет нас от голода. А наша дочь станет храмовой танцовщицей и будет счастлива.

Гита горько усмехнулась, и в ее взгляде мелькнуло презрение. – И ты поверил? Поверил в то, что можно изменить судьбу?

– Этот человек умнее нас с тобой, он знает, что говорит, – веско произнес муж.

Женщина передернула плечами и отвернулась.

– Нет, я не согласна.

Раму не понимал жену. Ему казалось, что они бредут к концу своей жизни, сгибаясь все ниже и ниже, и видят все меньше и меньше света. Он забыл о тех временах, когда Гита улыбалась доверчиво, радостно и открыто. Он не помнил, улыбалась ли она вообще. Раму знал о том, что жена денно и нощно думает о судьбе своих детей и изнывает от невозможности облегчить их долю!

Теперь, когда перед ними вдруг замаячил какой-то выход, Гита неожиданно впала в дикое упрямство и не желала хотя бы попытаться что-либо изменить.

– Почему ты противишься? – беспомощно спросил Раму.

Женщина закрыла лицо руками – так, будто страшилась показать гнев или стыд.

– Потому что однажды я уже хотела пожертвовать Амритой. Я решила ее убить! Но девочка осталась жива. Боги подарили нам сыновей не потому, что пожелали вознаградить за наши страдания, а потому, что ужаснулись моему поступку!

Думаешь, я вновь захочу испытать судьбу?

Раму терпеливо произнес:

– Я не брошу нашу дочь на погибель. Если Амрита понравится служителям храма, я подробно расспрошу их о том, чему учат девочек, и посмотрю, как они живут. Я не уеду до тех пор, пока не удостоверюсь, что Амрите будет хорошо в храме.

В эту ночь Гита не могла уснуть. Она долго думала о своей вине, которая все эти годы сидела в сердце занозой и не давала свободно дышать. Отдать дочь в храм? Посвятить ее богу? Что они с мужем знали об этом? Какой мерой могли измерить то горе и счастье, какое

придется изведать Амрите? Ибо безумен тот, кто полагает, будто существует тьма без света, вода без суши и сладость без острого привкуса горечи!

С другой стороны, их дочь не умрет от голода и научится исполнять ритуальные танцы! Быть может, когда-нибудь она заработает много денег и сумеет помочь своей семье.

Утром Раму спросил Амриту:

– Ты хочешь научиться танцевать, хочешь одеваться в красивые сари?

Девочка с готовностью кивнула.

– Тогда мы поедem в Бишнупур и я оставлю тебя в храме.

Амрита вздрогнула. В это мгновение она не хотела думать о том, что ожидало ее впереди. Она ценила настоящее, в котором ее любили и берегли, в котором она была не одна.

– Я не хочу разлучаться с вами.

Пытаясь собраться с силами, Раму беспомощно заморгал.

– Приходится выбирать. Когда у человека есть выбор, это хорошо; гораздо хуже, когда его нет, как у нас с матерью и твоих сестер. Я отвезу тебя в храм, и, если тебе там не понравится или я узнаю, что служители плохо обращаются с девочками, мы уедем обратно.

Раму и верил, и не верил своим словам. С одной стороны, он знал, что ни за что не оставит дочь у чужих людей, если почует что-то неладное. С другой, он понимал: деньги на дорогу придется занять и, если Амриту не возьмут в храм и жрецы ему не заплатят, поездка обернется катастрофой!

Гита напекла лепешек из последней муки и завязала их в чистый платок, выстирала и починила сари Амриты, расчесала и заплела ее волосы. Нацепила на шею девочки стеклянные бусы и надела на тонкую ручку медный браслет с цветными камешками. Она не говорила ни слова, однако Амрита чувствовала боль и волнение матери.

Раму отправился в путь на рассвете, в тот час, когда похожее на гигантскую раскаленную монету солнце показалось из-за края горизонта и мир озарил теплый и нежный свет.

Гита без конца поправляла на дочери одежду. К горлу женщины подкатил тяжелый комок, ее руки дрожали. Она давно разучилась смеяться и плакать и сейчас была не прочь разучиться чувствовать.

Амрита держалась спокойно. Она не тревожилась, потому что ехала с отцом. Девочку переполняла тайная гордость. Братья и сестры смотрели на нее с любопытством, как на диковинку: никто из них ни разу не покидал деревню и даже не думал о том, что на свете существует другой мир, не похожий на тот, в котором они живут.

Когда они с отцом вышли за ограду, Амрита оглянулась. Гита стояла посреди двора, прижав руки к груди и слегка раскачиваясь из стороны в сторону, будто дерево на ветру.

Девочке стало страшно. Она не смогла понять выражения лица матери, но ей почудилось, будто в душе Гиты звучит мелодия, мрачная, тягучая и унылая, как на похоронах.

Однако вскоре Амрита приободрилась. Они с отцом шли по пролегающей через джунгли дороге, и девочка любовалась пышными кронами деревьев, их могучими корнями, кое-где выступающими из-под земли и напоминающими застывших змей, переливами света и тени в листве, вереницей белых облаков в высоком небе.

Пахло свежестью, еще чем-то незнакомым и пряным. Сотни птиц прыгали с ветки на ветку, радуя глаз яркими красками оперения, наполняя заросли многоголосым пением. Свежую зелень леса пронизывали золотистые лучи солнца. Тамаринд, бамбук, манговые деревья, упругие стебли лиан – казалось, джунглям не будет конца! Тропический лес стоял единым массивом, в нем не было никаких просветов.

Раму не останавливался до тех пор, пока не набрел на ручей. Тогда они с Амритой сели на траву и съели по одной лепешке, после чего отец аккуратно собрал крошки и вновь завязал платок.

Неизвестно, сколько продлится путь, а другой еды у них не было. Заметив, что Амрита поглядывает на узелок, Раму сказал: – Я бы многое отдал за возможность никогда не голодать!

– Скажи, отец, люди рождаются богатыми и счастливыми? – спросила девочка.

Раму никогда не задумывался над этим и потому пожал плечами.

– Люди нашей касты редко бывают богатыми, – ответил он.

– А счастливыми?

Мужчина вздохнул.

– Я никогда не знал, что такое счастье.

Глава II

Начало

На широких, вымощенных каменными плитами улицах Калькутты не смолкали гомон и шум; отовсюду доносились крики торговцев, погонщиков буйволов и слонов, заклинателей змей и бродячих музыкантов. Прилавки многочисленных рынков были завалены переливающимися штуками тканей; здесь же пестрели цветочные гирлянды, продавались мука, молоко и рис, различные пряности, овощи и фрукты.

Двигались запряженные волами, тяжело нагруженные повозки. Проплывали паланкины – целые комнаты! – на могучих плечах носильщиков. Крыши дворцов и храмов золотились на солнце. Раскидистые кроны огромных деревьев смыкались, образуя тенистый полог.

Под руку с разряженными дамами прогуливались английские джентльмены в суконных камзолах с серебряным шитьем на груди, парчовых жилетах, треугольных шляпах и напудренных париках. Важно шествовали представители индийской знати в ярких шарфах и тюрбанах, сопровождаемые изрядным количеством воинов; красивые женщины в сари из тончайшего шелка со златотканой каймой прятались в тени зонтов, которые держали служанки.

Чаще встречались такие, как Раму, – худые, жилистые мужчины в застиранных дхоти⁶, с коричневым лицом и вечно склоненной головой, небрежно повязанной грязной тряпкой.

Ошеломленный суетой и мощью большого города, Раму не стал задерживаться в Калькутте. Разузнав, как попасть в Бишнупур, он нашел человека, который вез туда свой товар. Скрепя сердце Раму отдал ему последние рупии, усадил смертельно уставшую Амриту в повозку, а сам побрел рядом.

На следующий день они прибыли в Бишнупур, где им сразу показали дорогу к храму Шивы, куда устремлялись толпы паломников. Святилище стояло на холме, и издали казалось, будто по склону ползут сотни разноцветных муравьев.

Амрита навсегда запомнила, как шла к храму, – маленькая босоногая девочка в выцветшем сари, крепко державшаяся за руку отца.

Край неба нежно розовел, облака были обведены золотистой каймой. Обрамлявшая дорогу зелень источала сладкий аромат. Здесь росло много яблонь, священных растений Шивы. Над головой стремительно проносились ласточки.

Построенный из гранита и светлого песчаника храм мерцал в свете зари как волшебное видение, как обещание неземного счастья. Раму и Амрита затаили дыхание, потому что никогда не видели ничего подобного. Храм был украшен рядами рельефных изображений: издали казалось, будто стены покрыты тончайшим кружевом.

Поклонившись каменным статуям у входа и войдя в ворота, Раму долго бродил в толпе паломников, пока не столкнулся с двумя служителями храма.

⁶ Дхоти – одежда индийских мужчин. Кусок ткани обвязывается вокруг бедер, пропускается между ног спереди назад и подтыкается на спине у поясицы.

Раму выпустил руку Амриты и упал на колени, тогда как девочка стала с любопытством разглядывать незнакомых людей. Один из них был мужчина средних лет с отрешенным взглядом небольших темных глаз. Желтая шелковая ткань изящно обвивала его худощавое тело. Другой – юноша лет четырнадцати в расшитом золотом дхоти, очень гибкий и стройный, с искусно накрашенным лицом и широко распахнутыми, яркими и чистыми глазами. Его длинные черные волосы были собраны в прическу верховных божеств, на обнаженной груди поблескивали многочисленные цепочки и бусы, руки были украшены литыми браслетами.

Амрита встретила с ним взглядом, и он приветливо улыбнулся, обнажив ряд жемчужных зубов. Улыбка была такой обаятельной и теплой, что девочка едва не заплакала от счастья.

– Что тебе нужно? – неприветливо спросил старший у Раму, который не осмеливался подняться и что-то униженно бормотал. – Говори, мы спешим, нам надо готовиться к празднику.

Амрита не сомневалась в том, что жизнь этих людей и есть сплошной праздник, а прекрасный юноша – великий и бессмертный Шива, точнее Натараджа⁷.

Раму собрался с духом и, запинаясь, проговорил:

– Я привел свою дочь, чтобы... чтобы посвятить ее богу.

Мужчина пожал плечами. Он не был расположен заниматься судьбой Амриты. Тем не менее жрец приподнял голову девочки за подбородок, заглянул ей в лицо и с сомнением произнес:

– Не знаю, получится ли из нее храмовая танцовщица. Разве что показать ее Иле?

– Девочка подходит для обучения, – вдруг сказал юноша. – Почему ты так думаешь, Камал?

Тот вновь улыбнулся и произнес одно-единственное слово:

– Глаза!

– Что ж, тебе лучше знать.

Раму понял, что не нужно задавать никаких вопросов. Если Амриту берут в храм, не стоит противиться судьбе.

– Отведи свою дочь вон туда! – Мужчина показал в сторону каких-то невысоких строений. – Спросишь Илу и отдашь ей девочку.

Раму поднялся на ноги, взял Амриту за руку и поклонился. Ему очень хотелось узнать о деньгах, но он не осмеливался задать вопрос. Вдруг служители храма сочтут это оскорбительным и прогонят его прочь!

Если бы Раму приблизился к храму, он бы смог разглядеть, что наружные стены божественного сооружения украшены не только изображениями многорукого Натараджи, но и скульптурами полногрудых красавиц, слившихся в страстном объятии пар. И если бы он немного разбирался в символах, сумел бы понять, что изображают татуировки на груди и плечах жреца: лингам в йони⁸, означающий любовное соединение мужчины и женщины. И быть может, догадался, каким образом служат храму «жены бога».

Ила оказалась невысокой стройной женщиной лет двадцати пяти, вся в блестящих золотых украшениях и голубом сари с широкой каймой и расходящимися от талии веерообразными складками.

Раму с поклоном передал ей слова жреца.

⁷ Натараджа – «владыка танца», одна из ипостасей бога Шивы.

⁸ Лингам – фаллический символ, олицетворяющий Шиву, йони – символ женских детородных органов. В более глубоком смысле лингам и йони – божественное сознание и человеческое тело, дух и природа, время и пространство и т. д.

Женщина велела Амрите снять одежду и внимательно осмотрела ее тело. Потом заставила девочку поворачиваться в разные стороны, поднимать руки и ноги, выгибаться и наклоняться к полу.

– Ее тело не имеет изъянов. Движения недостаточно свободны, но это можно исправить. Пусть остается, – сказала она и прибавила: – Попрощайся с дочерью, а потом подойди к жрецам – они отблагодарят тебя за то, что ты посвятил своего ребенка богу.

– Не уходи, отец! – воскликнула Амрита, когда они остались одни. Тонкий голосок девочки срывался и дрожал.

У Раму защемило сердце.

– Тебе будет хорошо в храме, лучше, чем дома, – пробормотал он. – Если ты откажешься, Шива может разгневаться. Посмотри, как здесь красиво, как богато одеты люди! А я... мы с Гитой приедем тебя навестить.

Он знал, что это ложь, но ему нужно было уговорить Амриту остаться.

– Вы скоро приедете?

– Да. Очень скоро. Если тебе не понравится в храме, мы заберем тебя домой.

Согретая призрачной надеждой, Амрита глубоко вздохнула и расправила худенькие плечи.

– Обещай!

– Обещаю.

Появилась Ила; она взяла девочку за руку и повела за собой, а Раму поспешно покинул территорию храма. Перед тем как уйти, он отыскал жреца, и тот заплатил ему сто рупий: огромную сумму, на которую их семья могла прожить несколько месяцев. Мужчина облегченно вздохнул: эти деньги окупали любые жертвы!

Ила привела девочку в большое, чистое и светлое помещение с гладким глиняным полом, на котором были расстелены цветные циновки, а на них лежали шерстяные подушки и полотняные покрывала.

– Здесь ты будешь жить, – сказала она. – А сейчас тебе надо помыться и надеть другую одежду.

Она отвела Амриту в купальню и помогла девочке вымыть тело и волосы. Хотя ее прикосновения были мягкими и осторожными, Амрита, даже закрыв глаза, могла сказать, что ее трогают чужие равнодушные руки.

Гита никогда не улыбалась, ласкала редко и мимоходом, и все-таки девочка знала, что мать способна понять и утешить, что она никогда не оставит ее в беде. Дома у Амриты не было ощущения, будто ее бросили в океан пустоты, где она беспомощно барахтается, не зная, как выбраться на берег.

Ила дала новой воспитаннице чистое сари, после чего принесла кувшин молока, вкусные лепешки, чашку хорошо проваренного белоснежного риса и целую горю фруктов. Амрита наелась до отвала, и все же ей не стало радостнее и легче.

Она прилегла на циновку и хотела заснуть, как вдруг в помещение гурьбой вбежали возбужденные нарядные девочки с цветами в искусно убранных волосах и звенящими украшениями. Они остановились как вкопанные, с любопытством глядя на новенькую.

Потом одна из них, красивая светлая девочка примерно одного с Амритой возраста, подошла к обомлевшей новенькой и властно произнесла:

– Кто ты?

Девочка встала и посмотрела ей в глаза.

– Амрита.

– Откуда ты взялась? Зачем ты здесь?

Чувствуя враждебность и незнакомки, и возглавляемой ею толпы, Амрита мучительно размышляла, что бы ответить, и вдруг вспомнила слова «прекрасного Натараджи».

– Камал сказал, что я смогу научиться танцевать.

Лицо незнакомки просветлело, словно она внезапно услышала волшебное заклинание.

– Камал? – с улыбкой повторила она и спросила: – Ты еще не решила, где будешь спать? Если хочешь, можешь лечь рядом со мной.

– Как тебя зовут? – осмелилась спросить Амрита.

– Тара. Пойдем!

Тара взяла новенькую за руку и показала на одну из циновок. – Здесь.

– Из какой ты касты? – на всякий случай осведомилась Амрита. Она очень боялась, что девочка заявит, что она брахманка или вайшья⁹. Тогда им вряд ли удастся подружиться!

Однако Тара спокойно произнесла:

– Я не знаю. Мне неизвестно, кем были мои родители. Они оставили меня на пороге храма.

Амрита растерялась. Она впервые очутилась в обществе, где кастовая принадлежность не имела значения. Она никогда не предполагала, что такое возможно, и не знала, хорошо это или плохо.

– А остальные?

– Из разных каст. И будь ты брахманка, а я – неприкасаемая, – Тара жестко улыбнулась, – если я научусь танцевать лучше, чем ты, я буду выше тебя!

– Кто учит вас танцам?

– Ила. Другие девадаси. А еще – Камал.

– Он – Натараджа? – В голосе Амриты звучали наивность и надежда.

– Он – храмовый танцовщик. Такой же, как и я, – ответила Тара и, поймав изумленный взгляд собеседницы, пояснила: – Его тоже подкинули в храм. Он необычайно красив и талантлив и потому исполняет роль Шивы на всех праздниках.

– А девадаси?

– Они тоже танцуют.

– Ты – девадаси? – спросила сбитая с толку Амрита.

– Пока еще нет, – терпеливо произнесла Тара и в нескольких фразах поведала новенькой ее дальнейшую судьбу: – Для начала ты обязана запомнить сто восемь танцевальных движений, которые придумал Шива, и научиться их сочетать. Если выдержишь испытание, то после того, как на твоём сари впервые появится кровь, ты пройдешь обряд посвящения, станешь женой бога и начнешь служение в храме.

– Кровь? – с тревогой повторила Амрита.

– Да. Обычно это происходит, когда девочка превращается в девушку: бутон раскрывается и становится цветком.

– Это страшно? – на всякий случай спросила Амрита, и Тара ответила:

– Это – начало новой жизни.

– Ты хочешь сделаться девадаси?

– Это моя самая большая мечта.

Амрита решила держаться поближе к новой подруге. Девочка чувствовала: рядом с Тарой она обретет поддержку и защиту.

Утомленная дорогой и множеством впечатлений, Амрита рано легла спать – в тот час, когда девочки еще всю обсуждали храмовый праздник.

Ей показалось, будто она едва закрыла глаза, как вдруг кто-то резко потряс ее за плечо. Это была Тара.

– Вставай!

⁹ В Индии было и есть четыре основных общественных сословия – касты. Брахманы – жрецы, кшатрии – воины, вайшья – торговцы и шудры – слуги. За пределами кастового общества стоят неприкасаемые.

Ошеломленная Амрита вскочила с постели и захлопала глазами.

Кругом было холодно и темно, и в этой прохладной, неуютной тьме шевелилось множество фигур. Сонные девочки поднимались с циновок, одевались, поправляли сари, наспех причесывались и устремлялись к выходу, спеша и натываясь друг на друга.

Душа и тело Амриты бурно протестовали против столь раннего пробуждения, но делать было нечего, и она отправилась следом за остальными.

Ей очень хотелось заплакать, но плакать было нельзя, и она молча страдала, изнывая от желания чудесным образом перенестись домой, сделать так, чтобы все, что произошло с ней за последние сутки, превратилось в сон.

Девочка пристроилась в хвост большой очереди и ждала, когда можно будет плеснуть в лицо холодной водой. После умывания им выдали по горстке риса и глотку молока: едва проглотив скудный завтрак, Амрита вновь захотела есть, потому что давно недоедала.

Удрученная девочка побрела следом за остальными на большую, ровную каменную площадку, где им предстояло заниматься до полудня. К тому времени восток начал светлеть и кружевная листва деревьев четко выделялась на фоне розовато-серого неба. Тающие звезды походили на изящную вышивку серебром по шелковой ткани. Легкие облака напоминали лепестки цветов. Ползущие по земле тени казались длинными и прозрачными.

Храм возвышался на горизонте как огромная глыба, как обещание чего-то грозного и неумолимого.

Ила велела им построиться и повторять ее движения. Амрита не могла уследить за бесконечными поворотами тела танцовщицы и разнообразными жестами. Больше всего на свете ей хотелось вернуться в домик с циновками, лечь и забыться сном. А еще – очутиться дома. Отец был не прав, когда говорил, что главное – не голодать. Главное – не быть одинокой.

Зачем она здесь? К чему этот танец во тьме? Что означает все это? Амрита пыталась следовать за процессией девочек и повторять то, что они делают, но безнадежно отставала и ошибалась.

Ила подошла к ней и поправила спину. Она сделала это не грубо, но повелительно, требовательно и жестко. Амриту несказанно обидело прикосновение неласковых рук, и она едва удержалась, чтобы не разреветься в голос.

К восходу солнца девочка чувствовала себя совершенно измученной, измотанной бесплодными попытками уловить суть того, чему ее пытались учить. Слова и движения Илы не вызывали в ее душе никакого отклика. Тара двигалась во главе шеренги; если она и догадывалась о страданиях новенькой, у нее не было возможности подойти к ней, пожалеть и помочь.

К тому времени как солнце начало припекать, губы девочки пересохли от жажды, а тело болело и ныло, будто пораженное страшным недугом.

Внезапно Амрита села на землю и разрыдалась. Ей почудилось, что внутри лопнула туго натянутая струна или прорвалась невидимая плотина.

Растерянные девочки остановились, потом нерешительно столпились вокруг. Амрита не смела поднять глаза, потому что ожидала увидеть в их взглядах презрение и насмешку.

Ила приблизилась к ней с явным намерением обругать и наказать, как вдруг раздался голос:

– Что случилось?

К ним подошел юноша по имени Камал, которого Амрита вчера по наивности приняла за спустившегося с небес Натараджу.

Шальвары из тонкой струящейся ткани были туго стянуты на талии и перехвачены у щиколоток звенящими серебряными кольцами. Черные волосы небрежно разметались по плечам. Ненакрашенные глаза и лицо озарял нежный внутренний свет.

– Эта девочка бестолкова. Она не может повторить ни одного движения и только путает остальных, – с досадой произнесла Ила.

– Возможно, она просто не понимает, чему ее учат, – заметил юноша и обратился к Амрите: – Пойдем.

Девочка покорно встала. Все самое плохое уже случилось.

Хуже могла быть только смерть.

Камал отвел ее на край площадки и усадил на большой плоский камень.

– Как тебя зовут?

– Амрита.

– Что с тобой? – мягко промолвил он, заглянув в ее грустные, потускневшие глаза.

Этого тона и этого взгляда было достаточно для того, чтобы слезы полились с новой силой.

– Я... я хочу домой! – всхлипывая и запинаясь, произнесла девочка.

– Домой? – Он кивнул. – Понимаю. У меня не было родителей и другого дома, кроме храма, и в детстве я тоже часто плакал оттого, что хотел «домой», хотел попасть в другое место, где нет окриков, утомительных занятий, ударов бамбуковых палок. Через это проходит каждый, и ты не можешь представить, какими ничтожными покажутся тебе страдания, когда ты получишь награду! Когда впервые почувствуешь, что твое тело повинуется тебе. Твои ноги будут касаться земли, но у тебя будет такое ощущение, будто ты летаешь! Для того чтобы научиться летать, птицам достаточно нескольких часов, тогда как человек вынужден посвящать этому годы изнурительных упражнений. Но... не жалея, Амрита! Когда ты поймешь, для чего рождена, и получишь возможность выполнять свое предназначение, ты обрешь свободу, ибо истинная свобода существует только в человеческой душе.

– Я боюсь, – прошептала Амрита и покосилась на Илу, которая продолжала заниматься с девочками.

– Людей? Их не стоит бояться. Злых людей нет, просто человек тоже имеет несколько ипостасей и так же противоречив, как и бог Шива: он может быть гневным и добрым, разрушающим и создающим жизнь. Впадать в неистовую ярость и становиться доброжелательным и милосердным. Ты должна слушаться своих учителей. А еще – поверить в свои силы. Бери пример с Тары: она захотела стать лучшей и стала.

Амрита вытерла слезы. В присутствии этого человека она не чувствовала себя одинокой. Он умел и утешить, и вселить надежду.

– Почему ты сказал про... мои глаза?

– Потому что каждое движение тела сопровождается движением глаз. Танцовщица должна уметь передать взглядом любые оттенки чувств. Мне кажется, в этом ты способна превзойти остальных.

– Мне придется выучить сто восемь танцевальных движений? – обреченно произнесла девочка.

Камал улыбнулся.

– Дело не в этом. Мало держать в руках нити, надо уметь соткать из них нечто особенное, неповторимое, свое.

Глубоко вздохнув, Амрита задала последний вопрос:

– Ты знаешь, что такое счастье?

– Да, знаю. Счастье – это понять свое предназначение, уверовать в него и следовать ему.

Когда Амрита вернулась на площадку, занятие окончилось. Ила отпустила девочек, и они побежали обедать. Обед был намного сытнее завтрака, но из-за пережитого волнения Амрита почти не могла есть.

– О чем с тобой говорил Камал? – ревниво спросила Тара, отщипывая от лепешки по маленькому кусочку и один за другим отправляя в рот.

– Он сказал, что у меня все получится, и велел брать пример с тебя, потому что ты – лучшая.

Тара счастливо улыбнулась и покровительственно пообещала: – Не бойся! Ты справишься! Я тебе помогу.

Они вместе прошли под большой навес и уселись на тростниковые циновки. Здесь было прохладно; по земле разметались причудливые зеленые тени.

Вошел жрец, высокий пожилой мужчина в белоснежном одеянии, и принялся нараспев читать священные тексты, время от времени останавливаясь и делая пояснения, в которых Амрита ничего не понимала. Девочка закрыла глаза, расслабилась и задремала. Дул свежий ветерок, монотонные звуки то отдалялись, то приближались, как волны прибоя.

Она резко вскочила, когда жрец протянул бамбуковую палку и больно ударил ее по плечу. Из глаз брызнули слезы, а сердце будто упало к ногам.

Все уставились на нее. Амрита мучительно покраснела и села, стараясь неотрывно смотреть на жреца, который со строгим видом продолжал чтение.

Когда урок закончился, воспитанницы храма получили возможность привести себя в порядок. Они гурьбой побежали в дом. Услышав веселые крики и громкий смех, Амрита догадалась, что их ждет что-то увлекательное и интересное. Потом кто-то обмолвился, что следующий урок будет вести Камал.

Тара, внезапно утратившая свою всегдашнюю невозмутимость, возбужденно прихорашивалась: заплетала волосы, надевала украшения, расправляла сари, покусывала губы, чтобы они заалели, похлопывала себя по щекам и придирчиво разглядывала собственное отражение в небольшое серебряное зеркало. В эти мгновения она напоминала маленькую женщину.

Тогда Амрита еще не поняла, что в сердце Тары живет глубокая, уже недетская любовь. Все девочки любили Камала, но скорее как старшего брата и доброго друга. И только для Тары эта любовь была звездой, что освещает жизненный путь, и призрачной целью, к которой она ежесекундно стремилась, не замечая и не видя ничего вокруг.

Если Камал воплощал в своих танцах любовь к Шиве, то для Тары танец был проявлением любви к Камалу.

Юноша ждал девочек на площадке. Когда они окружили его веселой толпой, он хлопнул в ладоши и сказал:

– Вспомните миф о гибели Сати, супруги Шивы, и ее возрождении в образе Парвати. Изобразим эту историю в танце. Роль Сати будет исполнять Тара, а Парвати – Амрита.

Лицо Тары озарила полная благодарности и благоговения улыбка. Прямая как струна, гордая, окрыленная девочка с готовностью вышла на середину площадки, тогда как Амрита сгорбилась, сжалась и задрожала от страха.

Однако Камал взял ее за руку и поставил рядом с собой.

– Не бойся, – мягко произнес он. – Я покажу, что нужно делать.

Так началась ее жизнь в храме. Первые дни, недели и месяцы были мучительны – Амрита плакала от боли в негнувшихся руках и ногах, от того, что тело ныло, ступни горели, а голова отказывалась запоминать и понимать священные тексты.

Она тяжело привыкала к новой жизни и все еще не могла понять, зачем ее посвятили богу.

Девочки попадали в храм по-разному. Иных приводили родители, других попросту подкидывали на порог храма. Некоторые были дочерьми танцовщиц.

Порой девадаси становилась соблазненная девушка или та, что прежде была наложницей состоятельного человека. Из последних редко получались преданные «жены бога» и хорошие танцовщицы. Лучшими были такие, как Тара, с раннего детства воспитанные в атмосфере поклонения Шиве, не знавшие другого мира и других людей.

Тара сдержала слово и во всем помогала новой подруге. Она не боялась ни соперничества, ни зависти, потому что такой танцовщицей, как она, можно только родиться. Тара начала постигать искусство танца раньше, чем остальные; ей не приходилось сожалеть о родителях, вспоминать о потерянном доме, она не задавалась вопросом о том, где ее место и что она делает в храме. Храм был ее миром и домом, она отдавала любимому делу и душу, и сердце.

Будучи детьми, Амрита и Тара увлеченно предавались ребяческим забавам. Они устроили тайник в ямке под стеной дома и прятали там цветные стеклышки, бусины, камешки, лоскутки, яркие перья. В свободные часы девочки извлекали свои сокровища, раскладывали на земле и играли с ними. Порой они воображали себя принцессами, женами раджей и небесными девами и разыгрывали целые представления.

Храм был богат: пытаясь заручиться благосклонностью бога, сотни состоятельных людей делали немалые пожертвования; тысячи паломников были готовы расстаться со звонкой монетой, дабы лицезреть прелести девадаси, насладиться их танцем и познать их любовь. Несмотря на свирепствующий в стране голод, храм продолжал жить своей жизнью, благо колониальные власти не смели вторгаться в святая святых фанатично религиозных индусов.

Жизнь храма, всецело подчиненная предписаниям и правилам, тем не менее была насыщена и интересна. Жрецы поливали статую Шивы душистой водой, посыпали цветами, окуривали благовониями, предлагали ей бананы и кокосовые орехи. Возили на прогулку в запряженной быками колеснице.

Чувства благоговения и восторга вызывали праздники, оглашенные пением священных текстов, звонкой барабанной дробью, сопровождаемые яркими торжественными процессиями жрецов, танцовщиц и паломников, наполненные благоуханием цветов, ароматами фимиама и камфарных палочек.

И все же Амрита сильно скучала по дому.

Тяжелее всего были ночи, ибо проходил еще один день, и девочка говорила себе, что родители вновь не приехали. Однажды, будучи не в силах сдержаться, она поделилась переживаниями с подругой.

Тучи унесло ветром, и в окно светила похожая на огромный серебряный диск луна. Девочки спали, и только Амрита задумчиво и горестно смотрела на сверкающее звездами небо.

– Тара! – прошептала она, не смея коснуться лежащей рядом подруги.

Та спала чутко и сразу проснулась.

– Что?

– Прости, что разбудила, – виновато произнесла Амрита и прибавила: – Я не могу понять, почему ни отец, ни мать ни разу меня не навестили! Они обещали забрать меня домой, если мне не понравится в храме. Что-то случилось или... они меня обманули?!

Тара долго молчала, потом промолвила, повернув к Амрите залитое лунным светом лицо:

– Я ни разу не видела, чтобы чьи-то родители приезжали в храм и тем более забирали своих детей обратно! По-моему, это невозможно.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что... такова жизнь. Отец посвятил тебя богу – твоя судьба решена, обратного пути нет.

– Значит, мне не на что надеяться?

– Ты должна надеяться... на что-то другое. Думать о том, что станешь хорошей танцовщицей, а как только придет срок, пройдешь посвящение в девадаси.

Когда наступило утро, Тара сказала Амрите:

– Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Она привела подругу в дальний угол храмовой территории, подошла к стене и принялась терпеливо отодвигать наваленные друг на друга камни. Вскоре Амрита увидела в стене пролом, через который вполне могла пролезть взрослая женщина.

Отсюда открывался вид на город, тонувший в похожем на цветочную пыльцу золотистом тумане: нагромождение больших и малых строений, толпы людей.

– Что это? – спросила Амрита.

– Свобода.

– Ты думаешь?

Тара пожала плечами.

– Не знаю. Когда ты здесь, кажется, что свобода – там, и наоборот. Возможно, когда-нибудь я попробую убежать. Я случайно нашла эту дыру и закрыла камнями так, чтобы никто ничего не заподозрил и не стал ее заделывать.

– Убежать? Зачем? – прошептала потрясенная Амрита. – Ты так любишь Шиву и храм! И желаешь стать девадаси!

– Да, люблю, – жестко произнесла Тара, – но если мне придется разочароваться в том, о чем я мечтаю, я уйду навсегда. Я тебя обманула. На самом деле мне вовсе не хочется думать, что для нас существует только один выход!

Она в волнении сжала тонкие пальцы, и ее глаза потемнели.

Недетский взгляд Тары был властен и непоколебим.

– А я хочу вернуться домой, – с грустью промолвила Амрита.

Тара промолчала. Ей казалось странным думать о возвращении. Можно дважды увидеть один и тот же сон, но в реальной жизни нельзя повернуть время вспять. Невозможно из бабочки вновь превратиться в куколку, из растения – в семя, как невозможно отказаться от того, к чему побуждает любовь.

Глава III Посвящение

Стройная девушка с блестящими черными волосами и большими серьезными глазами, облаченная в затканное золотом одеяние из прекрасного бенаресского шелка, кружилась в танце под неторопливую дробь барабана. Белые цветы, украшавшие прическу юной танцовщицы, были похожи на больших бабочек или хлопья снега, чудесным образом упавшего с небес в жаркий летний день.

Взмах ресниц, наклон головы, изгиб рук, изящный поворот тонкого стана – каждое движение было отточено годами изнурительных упражнений, о чем ни за что не догадался бы тот, кто не посвящен в секреты обучения девадаси.

В этом легком волшебном танце, полном непостижимой гармонии и божественного света, воплотились вера в мечту и радость любви.

Барабаны смолкли. Девушка остановилась и спустя мгновение вернулась в реальный мир.

Ила хлопнула в ладоши.

– Отлично, Амрита!

Рядом с наставницей стояла другая девушка – с гладким и нежным, как лилия, лицом, с полными алыми губами, густыми, черными как ночь волосами, страстно сияющими глазами. Это была Тара, лучшая из юных танцовщиц, тринадцатилетняя красавица, обещавшая затмить самых известных и дорогих девадаси храма Шивы.

Как и подруга, Амрита с честью выдержала испытание. Храмовый танец стал ее жизнью; с некоторых пор ей чудилось, будто она способна станцевать над пропастью, не боясь сорваться с высоты, – таким послушным и легким казалось девушке собственное тело.

Обучение закончилось. Теперь танцовщицам предстояло самостоятельно совершенствовать свои умения. Одна за другой девочки проходили посвящение и становились «женами бога». Некоторые подробно рассказывали, как происходил обряд, другие предпочитали молчать. Иные шли на это с готовностью и любопытством, другие испытывали нерешительность и страх.

Жрецы приводили девочку в храм, к алтарю, где совершали несложный ритуал. Потом она следовала в брачные покои, чтобы впервые познать своего «мужа». На брачном ложе бога Шиву обычно заменял один из жрецов или человек, хорошо знакомый с храмовыми порядками. Изредка такое право покупал богатый жертвователь.

Посвященных можно было легко отличить по тали, витому шнуру на шее, знаку замужней женщины, и особым рисункам на теле. Став «женами бога», юные танцовщицы поступали в распоряжение немолодой девадаси по имени Хемнолини: она читала им «Камасутру» и обучала искусству любви. Истинная цель обучения состояла в том, чтобы, отдаваясь паломникам, исполняя их сокровенные желания, девушки не думали, будто занимаются чем-то постыдным, а были уверены в том, что служат Шиве.

Постигнув тайны чувственной страсти, девадаси заставляли своих поклонников платить за любовные утехы немалые суммы, из коих сами не получали ни рупии. Храм обеспечивал их одеждой, украшениями, едой. Они не имели права покинуть его территорию без разрешения верховного жреца, не могли выйти замуж.

Любовные связи между девадаси и служителями храма были строго запрещены, хотя, случалось, высшие жрецы проводили ночь с понравившейся девушкой.

Хотя Амрита еще не стала «женой Шивы», она уже знала о том, что ее ждет. Когда лингам соединяется с йони, из глубины вселенского пространства в человеческий мир льется поток животворящей энергии и наполняет его собой подобно тому, как ветер наполняет паруса. Этот таинственный ритуал порождает божественную свободу и сопровождается бесконечным блаженством.

К тринадцати годам Амрита настолько сроднилась с храмом, что не мыслила жизни вне его стен. Родители так и не приехали. Вероятно, они позабыли о ней, и постепенно она тоже начала забывать отца, мать, сестер, братьев и родной дом. Ей предстояло сделаться девадаси, и она думала об этом как о своей судьбе.

Тара неистово желала пройти посвящение: в последнее время она говорила и думала только об этом и втайне завидовала подругам, которые уже стали «женами бога». Когда день посвящения был назначен, она дрожала от предвкушения и иступленно готовилась к обряду.

В отличие от подруги Амрита не стремилась поскорее начать новую жизнь. Она бессознательно лелеяла и берегла остатки уходящего детства. Полная сомнений и смутных опасений, девушка взяла с Тары слово подробно рассказать о том, как происходило ее посвящение в девадаси.

Ожидая возвращения подруги, Амрита грустила. Неожиданно комната, которую она делила с другими юными танцовщицами, показалась ей незнакомой, чужой. Здесь они с Тарой предавались грезам, их сердца оживляли горячие стремления и пылкая девичья вера в грядущее счастье. Здесь переживали огорчения и неудачи, делились секретами и поверяли друг другу мечты. Когда подруга вернется, она уже будет принадлежать к взрослому миру. Детство останется позади.

Девочки убежали примерять новые сари. Они звали Амриту с собой, но она не пошла, решив во что бы то ни стало дожидаться Тару.

Услышав знакомые шаги, девушка с радостью поднялась навстречу.

Тара вошла на негнущихся ногах, медленно пересекла комнату и опустилась на циновку. Ее волосы разметались по плечам, взгляд остановился, лицо походило на маску. На шее красовался витой шнур. Обряд посвящения в девадаси состоялся.

Тем не менее что-то было не так.

Амрита не осмеливалась задавать вопросы и только смотрела с сочувствием и тревогой.

Тара свернулась клубочком и долго молчала. Амрита не выдержала и осторожно погладила подругу по плечу.

– Не понимаю, – глухо произнесла Тара, – как он мог меня предать?!

– Кто? – прошептала Амрита.

– Камал.

Девушка все поняла.

– Ты думала, это будет он?!

– Да. Он, изображающий бога Шиву, знающий, как сильно я его люблю!

Амрита на мгновение задержала дыхание.

– Быть может, он... не знает, что ты его любишь?

Тара посмотрела на нее огромными, полными страдания глазами.

– Не знает?!

– Мне кажется, он одинаково относится ко всем девушкам, – робко произнесла Амрита.

– Неправда, – упрямо возразила подруга. – Он всегда выделял меня среди остальных!

– Потому что ты лучшая из танцовщиц, а вовсе не потому, что...

– Полагаешь, он любит другую? – с мрачной усмешкой перебила ее Тара.

– Я думаю, он любит... Шиву.

Тара села и обняла колени. Ее глаза, глаза взрослой женщины, были сухими – в них пылал темный огонь.

– Я всегда знала, что ничто не может помешать нам быть вместе. Он танцовщик от бога, и я тоже. Мы оба подкидыши и не знаем, к какой касте принадлежим. Даже если я неприкасаемая, а он брахман или наоборот, это не будет служить препятствием. Днем мы могли бы танцевать во славу Шивы, а по ночам – предаваться любви.

– Это запрещено.

– Если быть хитрыми и осторожными, можно сохранить отношения в тайне.

– Ему двадцать лет, а тебе всего тринадцать. Быть может, он по-прежнему видит в тебе маленькую девочку?

Тара рассмеялась зловещим, мстительным смехом.

– Теперь-то я женщина!

Они долго молчали. Потом Амрита несмело спросила:

– Кто... это был?

– Жрец. Виджай. Я настолько растерялась, увидев его, что мне изменили и разум, и выдержка. Виджай велел мне вдыхать какой-то дым, по-моему, это были одурманивающие благовония, но я была так испугана и взволнована, что они не подействовали. Когда он дотронулся до меня, я закричала и начала вырываться. Ему пришлось держать мои руки, он сильно разозлился и даже ударил меня. Потом я поняла, что, если убегу от него, со мной все будет кончено: меня выгонят из храма и я никогда не стану девадаси. Я заставила себя покориться и лежать смирно. Это было ужасно, просто ужасно, Амрита! «Лингам в йони», – она горько усмехнулась, – хуже этого ничего нет!

– Может, тебе стоит поговорить с Камалом? – спросила Амрита, искренне жалея подругу.

– Поздно. Нам уже не о чем говорить.

Она снова умолкла, и Амрита поняла, что не сможет вынести этого молчания, полного горечи и отчаяния, какие способен породить только крах всех надежд. Внезапно в голову девушки пришла мысль.

– Скажи, Камал... когда-нибудь участвовал в посвящении?

Что говорили другие девочки?

– Даже если и участвовал, они мне не скажут, – мрачно произнесла Тара. – Все знают, что Камал – мой и что я выцарапаю глаза каждой, кто осмелится желать его любви!

– Думаю, большинство из нас относится к нему как к другу, – успокоила ее Амрита и предположила: – Возможно, когда-нибудь он позовет тебя к себе?

– Нет. Ты права: Камал никогда не нарушит запреты в угоду своим желаниям. Его жизнь – цепь ритуалов, посвященных служению Шиве. Больше он ни о чем не думает.

В последующие дни потрясенная происшедшим Тара ходила угасшая, едва волоча ноги. Она не ела, не танцевала, не следила за собой. Поскольку посвящение состоялось, Тару отправили к Хемнолини, но девушка не желала слушать, что говорит старая девадаси.

Не в силах помочь подруге, Амрита думала о том, что рань ше не приходило ей в голову: можно стать прекрасной танцовщицей, но потерпеть неудачу в постижении любовной науки.

Девушка долго размышляла о том, как исправить положение, и наконец решила поговорить с Камалом.

Подкараулив юношу возле храма, Амрита окликнула его, и он подошел к ней.

К двадцати годам Камал стал еще красивее, чем прежде: гибкое, будто тростниковый стебель, гладкое золотисто-коричневое тело, большие пленительные глаза. Его лицо притягивало взор, как притягивает к себе произведение великого мастера. Ровные брови словно вышиты тонкими темными нитями, губы будто вырезаны из кораллов.

– Здравствуй, Камал.

Он весело улыбнулся.

– Здравствуй, Амрита! Как поживаешь?

– Хорошо.

– Ты уже прошла посвящение в девадаси?

– Нет.

– Теперь, наверное, недолго ждать. Ты стала очень красивой и выглядишь совсем взрослой.

Амрита подумала о Таре, о том, с каким восторгом подруга готовилась к таинству и чем оно для нее обернулось.

– Послушай, Камал, ты знаешь все на свете, скажи, что такое любовь и откуда она берется?

Юноша рассмеялся.

– Когда ты станешь постарше, Амрита, тогда поймешь, что я вовсе не так умен, как тебе кажется. А любовь вызывает бог Кама. Разве тебе не рассказывали? Он стреляет из лука волшебными стрелами, которые пробуждают страсть у каждого, в кого попадают. Он бестелесный, потому его невозможно увидеть.

– Как узнать, что стрела достигла цели?

Юноша лукаво улыбнулся.

– Если ты задаешь такой вопрос, значит, еще не была влюблена!

– А ты... ты кого-нибудь любишь? – с волнением спросила девушка и получила тот самый ответ, какой и ожидала услышать:

– Да. Я люблю Шиву.

– Все мы любим Шиву, – спокойно сказала Амрита. – Я спрашиваю о любви к женщине. Он нахмурился.

– Ни ты, ни я не можем любить смертных. Если в сердце «жены бога» вспыхнет любовь к земному мужчине и она не приложит все силы к тому, чтобы ее погасить, то будет очень несчастна.

«Что и случилось с Тарой», – подумала Амрита.

– Если бы ты узнал, что тебя любит какая-то женщина, что бы ты сделал?

– Посоветовал бы ей думать о любви к богу.

– Тебе известны тайны жизни храма. Скажи, как жрецы выбирают мужчину, исполняющего роль Шивы на супружеском ложе для той, которую посвящают в девадаси?

– При помощи жребия.

– Желание слугителей храма играет какую-то роль?

– Ни малейшей.

Она пристально посмотрела ему в глаза.

– Это правда?

– Уверяю тебя, Амрита!

– Ты не жрец, но твоя роль в жизни храма очень важна. Ты когда-нибудь участвовал в обряде посвящения девушек в девадаси в качестве... «мужа»?

Юноша пожал плечами.

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Неужели у тебя никогда не было возлюбленной?

Безупречно гладкий лоб Камала прорезала тонкая морщинка.

– Ты становишься чересчур любопытной, Амрита! К чему ты завела этот разговор? Какое это имеет значение?

– Для меня – никакого. Не хочешь, не отвечай. Просто я подумала, что многие девушки наверняка без ума от тебя...

– Я уже сказал: я держу их на расстоянии. Если бы женская любовь интересовала меня больше, чем танцы, я бы не служил в храме.

– А вдруг бог Кама все-таки ранит тебя своей стрелой?

– Я сочту это величайшим несчастьем.

Девушка не рассказала подруге о разговоре с Камалом. Пусть все идет своим чередом. Амрита вспоминала миф, который они часто разыгрывали в танцах. Шива, опечаленный смертью своей жены Сати, не хотел слышать ни о каких женщинах. Он не знал, что Сати, перевоплотившись, уже приняла облик Парвати, и не отвечал на любовь прекрасной девушки. Тогда боги обратились за помощью к Каме, и тот выстрелил в Шиву. После этого Шива влюбился в Парвати и они поженились.

То, что угодно богам, все равно исполнится; никому не уйти от стрел вечно юного Камы! И едва ли волшебную стрелу можно запросто вынуть из сердца! Если Камалу суждено полюбить Тару, они будут вместе, если нет – тогда подруге лучше о нем забыть. Правда, Амрита плохо представляла, как можно перестать думать о том, кого видишь перед собой каждый день!

Вскоре Тара немного приободрилась: невидимые раны начали заживать. Когда Амрита узнала о дне своего посвящения, который выбрали храмовые астрологи, подруга сказала:

– Не обращай внимания на то, что я тебе рассказала. Возможно, у тебя все сложится по-другому.

Они лежали рядом и тихо говорили. На темно-синем бархате неба ярко сияла похожая на огромную жемчужину луна. Откуда-то доносились тихие таинственные звуки. Свежий ночной ветер был насыщен ароматами цветов.

– Хемнолини сказала, будто вчера на территорию храма пытались зайти англичане. Жрецы очень обеспокоены. Представь, что будет, если белые солдаты захотят выбрать девушку! Я скорее умру, чем отдамся одному из них! – прошептала Тара.

– Жрецы не допустят, чтобы в храм проникли люди другой веры!

– Я тоже на это надеюсь.

– Как часто тебе придется принимать у себя паломников? – помолчав, спросила Амрита.

– Пока не закончится обучение, лишь изредка. Хемнолини будет заниматься с нами три года; за этот срок мы должны окончательно позабыть о неловкости и смущении. – Тара горько вздохнула и крепко сплела пальцы. – Мне кажется, я никогда не избавлюсь от стыда и душевной боли!

В тот день, когда должно было состояться посвящение в девадаси, Амрита проснулась ни свет ни заря и занялась нарядом и прической. Если для Тары обряд давно утратил налет божественности, то Амрита старалась смотреть на грядущий ритуал другими глазами. Меньше всего она думала о том, кто будет представлять бога Шиву. Как всякая юная танцовщица, она уважала и побаивалась всех жрецов и была готова поклониться любому из них.

Отныне ее будут считать взрослой, она станет «женой бога» – такие мысли наполняли душу приятным возбуждением и гордостью.

Амрита надела маленькую ярко-оранжевую, расшитую серебром и зашнурованную на спине кофточку и такого же цвета складчатую юбку, схваченную на бедрах небесно-голубым поясом-шарфом, завязанным на животе красивым узлом и спадающим длинными концами. Гладко причесанные волосы украсила алыми цветами. Ручные и ножные браслеты были унизаны крошечными серебряными «слезками». Шею обхватывала массивная гривна. Глаза были ярко подведены черной тушью.

Наступил вечер. Солнце зависло над горизонтом огромным огненным шаром. Девушка прошла по нагретым за день плитам двора и поднялась по крутым ступеням.

Внутри храм был в изобилии тонко, изящно декорирован. Вдоль стен выстроились украшенные золотом статуи. Хотя Амрита бывала здесь много раз, сейчас все виделось в ином свете.

Жрецы уже ждали. Они велели девушке снять одежду и подвели ее к алтарю. Один из жрецов вложил в руки Амриты трезубец – символ власти Шивы, другой принялся читать священные тексты, а третий, взяв острую палочку, стал обмакивать ее в сандаловую пасту и наносить на плечи, грудь, руки и бедра девушки ритуальные рисунки.

От волнения Амрите стало холодно, она дрожала всем телом. В эти волнующие минуты ее сочетали браком с богом! Внезапно девушка вспомнила мать: что сказала бы Гита, если бы узнала, какая необычная судьба уготована ее дочери!

Жрец взял из рук Амриты трезубец и с поклоном возложил его на алтарь. Затем повесил на шею девушки тяжелую благоухающую цветочную гирлянду. После этого два жреца взяли ее под руки и повели в глубину храма.

Открылась маленькая дверь, и Амрита очутилась в комнатке, где прежде никогда не бывала.

Обстановка поражала роскошью. Огромная кровать сандалового дерева с серебряной инкрустацией, покрывало персикового цвета с золотой бахромой и кистями. Темно-красные бархатные подушки. С потолка спускался чеканный светильник. Стены были обиты шелковой тканью. На полу – пушистый ковер. Убранство спальни вполне соответствовало ее новому статусу «жены бога».

Жрецы удалились и закрыли дверь.

Возле ложа стояла большая серебряная чаша. Девушка знала, что должна совершить ритуальное омовение, и не смела этого сделать: Амрите казалось, что за ней наблюдают, она стыдилась своей наготы.

Чуть помедлив, девушка села на ложе. Гирлянду должен снять «муж». По окончании брачной ночи он же наденет на шею «жены» витой шнур.

Дверь открылась, вошел мужчина. Амрита не могла заставить себя поднять глаза и посмотреть на него. Что-то подсказывало ей, что она хорошо знает своего «супруга». Наверняка это был один из жрецов. Интересно кто? Среди них были и молодые, и зрелые, и старики.

– Амрита! – позвал мужчина, и юная танцовщица вскинула взор.

Его грудь украшало жемчужное ожерелье – оно отливало перламутровой белизной, казавшейся особенно яркой на фоне смуглой кожи. На руках, чуть выше локтей, красовались золотые браслеты. В черные волосы были вплетены золотые, красные и серебряные шнурки. Талию обвивал яркий шелковый пояс.

Наверное, решила девушка, именно так и должен выглядеть бессмертный Шива. Однако это был не бог. Это был... Камал!

Амрита вспыхнула. О нет! Только не это! Тара считает, что Камал ее предал. Что скажет она, узнав, что лучшая подруга, с которой она шесть лет делила радости и горести, невольно заняла ее место? Место, на котором Тара так мечтала очутиться!

Пусть это был бы Виджай, пусть древний старец Нишант или первый попавшийся мужчина, совсем незнакомый, да кто угодно! Ей не было бы так стыдно!

В глубине души Амрита понимала, что они ни в чем не виноваты. Она не может отказаться участвовать в обряде, да и Камал – тоже. С одной стороны, ей повезло, что ее первым любовником станет этот красивый юноша, а с другой...

Камал подошел к ложу, не испытывая ни малейшей неловкости и глядя на Амриту так, как обычно смотрел на нее, когда обучал танцам.

Он зажег серебряную курильницу, и девушка вспомнила, как Тара говорила об одурманивающих благовониях. Наверное, это поможет ей забыться...

– Дыши глубоко и медленно, Амрита. Еще можешь пожевать вот это. Но только чуть-чуть.

Он протянул ей чашку с какими-то корешками. Улучив момент, Амрита схватила целую пригоршню, затолкала в рот и принялась поспешно жевать, не обращая внимания на терпкий привкус. Будет лучше, если она упадет в обморок и вовсе ничего не почувствует!

Повинуясь взгляду Камала, девушка легла на кровать, и молодой человек вытянулся рядом. Его обнаженное стройное тело было гладким, и от него очень приятно пахло.

Когда юноша дотронулся до нее, Амрита невольно отпрянула.

– Слияние лингама и йони объясняет природу всех вещей. Это жертвоприношение, и его не надо бояться! Все будет хорошо. Давай я натру тебя благовониями.

Амрита вспомнила, как он утешал ее, когда она была маленькой девочкой, и понемногу успокоилась, покорила неизбежному. Позволила Камалу делать все, что он хотел.

Юноша зачерпнул душистого масла и принялся втирать его в тело девушки, осторожно массируя и постепенно подбираясь к сокровенным местам.

Почувствовав пальцы Камала там, где ее никто никогда не трогал, Амрита задрожала от волнения и стыда. Руки юноши были теплыми и мягкими. Еще нежнее были губы, ласкавшие нецелованную девичью грудь.

Тем временем начали действовать таинственные снадобья, которые девушка необдуманно проглотила в большом количестве: перед глазами словно рассыпались тысячи сверкающих звездочек, а душа, казалось, отделилась от тела и понеслась неведомо куда, прочь от земли, от прежних волнений и страхов, мелких, суетных желаний. В ушах звучала такая дивная музыка, что хотелось плакать, смеяться и кричать от восторга.

Первый любовный опыт особенно важен для девадаси. Научившись получать удовольствие с первой же ночи, девушка легко продолжит путь служения богу.

После женитьбы на Парвати великий Шива долго приучал к себе молодую жену. Украшал цветочными гирляндами, надевал и снимал драгоценности и сияющие красками

одежды, шептал ласковые слова, рисовал на ее теле тайные знаки, нежно гладил и сладко целовал, обучая сложному и прекрасному искусству любви.

По телу Амриты растекались волны блаженства. Теперь она понимала, что такое йони и где должен находиться лингам! Страх отступил, стыд исчез, осталось безумное, ничем не сдерживаемое влечение.

Когда желаемое свершилось, она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Амрите чудилось, будто она плывет по огромному океану в лодке, которую раскачивают упругие волны. Каждое движение двух слитых друг с другом тел наполняло ее глубоким восторгом, желанием бесконечно продолжать этот путь.

Соединение лингама с йони было ключом к тому миру, о котором она ничего не знала. И он был во сто крат лучше того, в котором Амрита жила прежде!

– Просыпайся, Амрита. Пора расставаться.

Она с трудом приподняла тяжелые веки. Темные глаза Камала смотрели внимательно и серьезно. Девушка заметила, что он снял украшения и надел дхоти.

– Вставай, только осторожно, чтобы не закружилась голова. – Он бережно поддержал ее за талию. – Зачем ты съела так много корней?

– Прости! – пробормотала Амрита.

Все вернулось на круги своя. Радость померкла. Вновь появились неловкость и стыд. Впрочем, они не смогли стереть воспоминаний о ни с чем не сравнимом удовольствии, какое она испытала минувшей ночью.

Амрита заметила на постели алые пятна. Итак, она стала «женой бога». В подтверждение свершившегося Камал надел ей на шею тали.

– Тебя ждет Хемнолини. – Он ободряюще улыбнулся. – Завтра она начнет заниматься с тобой. Прилежно изучай науку любви: уверен, что из тебя получится великолепная девадаси!

Девушка вышла из храма. Стоял обычный летний день, светило солнце, небо было пронзительно-синим и гладким как шелк. Вот только она сама никогда не будет прежней!

Провожавшая Амриту Хемнолини поинтересовалась, как прошла ее первая ночь с мужчиной, и тут же дала девушке несколько советов. Юная девадаси не слушала наставницу. Она думала о другом.

Девушка вернулась в свое жилище и сразу встретила горящий взгляд взволнованной Тары.

– Ну... что?!

– Я прошла посвящение.

– Знаю. Кто это был?!

Амрита поняла, что ни за что на свете не сможет открыть подруге правду.

– Виджай.

Тара разрубила кулаком воздух.

– Опять Виджай! Да пусть он сгорит! Это было ужасно?

– Вовсе нет. Мне было... хорошо.

Лицо полыхало предательским румянцем, на губах дрожала робкая улыбка.

– Значит, тебе больше повезло, – угрюмо произнесла Тара. – Или ты иначе устроена. Впрочем, тебя не волновало, кто это будет...

Голова кружилась, и Амрита легла на циновку. Она не знала, почему по лицу потекли слезы. Быть может, потому что детство закончилось, а она так мало знала о взрослой жизни. Или оттого, что она невольно предала подругу и отныне должна хранить в душе эту постыдную тайну.

Глава IV

Чужие

– Мне кажется, невозможно завладеть всем и успеть повсюду, отец. Вы хотите сохранить хорошие отношения с представителями высших индийских каст и вместе с тем приглашаете к себе в дом англичан. Вы велите моей сестре присутствовать во время наших бесед с белыми офицерами, улыбаться им и играть на ситаре¹⁰ и при этом собираетесь выдать ее замуж за брахмана. Вы настояли на том, чтобы я выучил английский и познакомился с европейской культурой, а теперь говорите, что я должен жениться на дочери человека, которого интересует только торговля.

Выслушав своего сына, господин Рандхар откинулся на спинку кресла.

– Ты прав, Киран, это действительно так. Я стараюсь ничего не упустить. К сожалению, сейчас нельзя жить иначе. За неуплату налога заминдару грозит продажа его владений, причем без какого-либо судебного разбирательства. И если выручка от продажи имущества не покроет недоимок, заминдара подвергнут аресту и тюремному заключению. Английские порядки несладки, и я должен прилагать неимоверные усилия для того, чтобы сохранить нашу собственность. Все, что я делаю, я делаю ради вас, своих детей.

Киран нехотя кивнул. Было трудно не согласиться с доводами отца. В отличие от господина Рандхара юноша интересовался только книгами, а его сестра Джая была нежной и хрупкой девушкой. Отец перенес любовь к своей жене, которая умерла много лет назад, на детей, сделав их жизнь легкой, радостной и беззаботной. Теперь пришло время оплачивать долг.

– Позвольте мне посмотреть на невесту.

– Ты увидишь ее во время свадьбы, как и положено. Не беспокойся, она молода и красива. А пока я советую тебе отвлечься от книг и совершить интересную поездку. Она пойдет тебе на пользу как мужчине и будущему мужу.

Киран вздохнул. Это был двадцатилетний юноша с серьезным лицом и задумчивыми глазами. Один из немногих просвещенных индийцев, он прочитал немало историй о правде и лжи, лицемерии и морали, видимости и истине. Втайне от отца он поджидал английские корабли и покупал у моряков зачитанные за долгие месяцы плавания, местами порванные и засаленные книжки. Так в руки Кирана попали романы Свифта и Дефо – великолепные притчи о человеке и его судьбе во враждебном мире, пронзительные и мрачные стихи Донна и даже пьесы Шекспира.

Ему нравилось все английское и вместе с тем возмущали сами англичане. Большинство из тех, кто населял так называемый Белый город, жили в роскоши, держали множество слуг. Вели себя нагло, играли в карты, дрались на дуэли, обзаводились любовницами и без конца совершали торговые сделки, набивая карманы деньгами. Они презирали обитателей Черного города – тех кварталов Калькутты, где жили индийцы.

– Куда я должен поехать?

Господин Рандхар, высокий, дородный человек со смуглым лицом и властным взглядом, добродушно усмехнулся.

– Ты не должен. Я тебе предлагаю. Господин Дипак, управляющий нашим имением, много лет подряд вспоминает одно местечко, где побывал еще в молодости. Оно находится недалеко от Калькутты, в Бишнупуре. Это известный на всю округу храм бога Шивы. В нем выступают знаменитые девушки-девадаси. Возьми деньги, поезжай туда, поживи в Бишну-

¹⁰ Ситар – струнный щипковый инструмент типа лютни.

пуре несколько дней. Там ты познакомишься с храмовой культурой, насладишься танцами и, надеюсь, приобретешь... кое-какой опыт. Это мой подарок... перед твоей свадьбой.

Кирану ничего не оставалось, как с благодарностью поклониться отцу.

На самом деле ему не хотелось никуда уезжать. Он ничего не понимал в танцах и не интересовался ими; его не привлекала продажная любовь, которую называли «служением богу».

– Сегодня у нас будут гости, – сказал заминдар, – заместитель начальника местного гарнизона и еще один офицер.

Киран снова кивнул. Это означало, что ему придется исполнять роль переводчика; причем англичане непременно начнут обмениваться репликами, смысл которых ни в коем случае нельзя объяснять отцу. Отец, в свою очередь, станет отпускать замечания, многие из коих представители колониальных властей наверняка сочли бы оскорбительными, если бы понимали хинди.

У заминдара было роскошное имение в окрестностях Калькутты и особняк в самом городе – здание с чисто выбеленными, украшенными орнаментом стенами и забранными узорчатыми решетками окнами. Дом окружал пышный сад с водоемом. Здесь было множество беседок, качелей и ярких клумб. Дочь господина Рандхара, Джая, очень любила цветы и выращивала алую ашоку, желтый чампак, гибискус с его пьянящим запахом, нежно благоухающий жасмин.

Внутри дома были деревянные лестницы, занавески из бамбука, мебель из ротанга, медные светильники, тканые половики – всюду, кроме комнаты Кирана, предпочитавшего европейскую обстановку.

Поговорив с отцом, молодой человек прошел в покои младшей сестры, к которой был сильно привязан.

– У нас опять будут гости, Джая, – с усмешкой произнес он, присаживаясь на обитый ярким шелком диван. – Мне не нравится, когда англичане разглядывают тебя. Ведь это просто солдаты, грубые и невежественные. Представляю, о чем они думают!

Девушка улыбнулась. Небесно-голубое сари необыкновенно шло к ее нежному личику и воздушному облику.

– Не переживай, Киран! Пусть смотрят. Меня не оскорбляют их взгляды. Все, что делает отец, он делает ради нас.

– Знаю, – согласился молодой человек и заметил: – Хотя, как мне кажется, он напрасно выдает тебя замуж за старика.

Джая смущенно потупилась.

– Мы вайшьи, а мой будущий муж – брахман. Породниться с людьми из высшей касты – великая честь для любой семьи. – Какое это имеет значение! – в сердцах воскликнул Киран.

– Не имеет – среди англичан, которых ты так сильно не любишь, но только не среди нас.

– Я не люблю тех англичан, которые приходят в наш дом, – заметил юноша.

Тем не менее он вышел к ужину и вежливо поздоровался с двумя офицерами в красных мундирах английской армии, одного из которых звали Томас Уилсон, другого – Джеральд Кемпион. Кемпион немного знал хинди, тогда как старший по званию и возрасту Уилсон не понимал ни слова.

Оба были из небогатых семей, оба приехали в Индию из Лондона в надежде заработать денег, оба участвовали в битве с бенгальскими войсками и получили повышение благодаря своей сметливости и храбрости. Уилсон был назначен заместителем начальника гарнизона и приблизил к себе Кемпиона, вместе с которым, приплыв в Индию пять лет назад, съел пуд соли и выдержал немало превратностей суровой колониальной жизни.

Тогда гарнизон Калькутты был невелик: основные силы англичан сосредоточились на юге Индии, где шла война с французами. Укрепления были заброшены, ров осыпался, воен-

ные и продовольственные припасы давно не пополнялись. В таких условиях приходилось сражаться и жить.

Губернатор Калькутты и командующий гарнизоном, развращенные погоней за барышами, ненавидели друг друга; поглощенные спорами и междоусобной борьбой, они не думали о судьбе города и его жителей.

Джеральд Кемпион хорошо запомнил сражение за форт. В страшной жаре, окруженные тучами москитов, под писк копошащихся крыс сотни людей, мужчины и женщины, набивали мешки песком и укладывали на стены у амбразур, чистили ружья, сушили порох, распределяли скудные запасы патронов и продовольствия. Тут же вспыхивали потасовки между пьяными солдатами-наемниками, набранными среди португальских и голландских авантюристов.

Несмотря на старания защитников форта, бенгальские войска вошли в город, и бой продолжился на улицах Калькутты. Изможденные, окровавленные, покрытые копотью батареи, среди которых были Кемпион и Уилсон, держались до последнего. Кровь орошала камни, слышались отчаянные крики, стоны и выстрелы.

Они выиграли бой и отбросили войска противника за стены форта, но какой ценой? Десятки английских солдат и множество индийских беженцев погибли. Далеко не все умерли от ран; обстановка внутри крепости была просто ужасной: зловоние, грязь, тучи мух. Люди заболели дизентерией и умирали, не дождавшись помощи. Когда Джеральд и Томас вспоминали эти дни, им казалось, что они побывали в аду.

Теперь никто не осмеливался оспаривать английское господство, и британцы чувствовали себя хозяевами бенгальской земли. С французской империей в Индии было покончено. В главном городе Бенгалии, Муршидабаде, на престоле сидел правитель, наваб¹¹, бывший марионеткой в руках колониальных властей – губернатора, военной верхушки и руководства Ост-Индской торговой компании.

Тридцатидвухлетний Томас Уилсон снимал дом в Калькутте, на территории Белого города, в квартале, где селились высокопоставленные военные и богатые купцы. На родине его ждали жена и дети, а здесь он жил с английской проституткой, прибывшей в Индию на заработки.

Двадцатипятилетний Джеральд Кемпион был одиноким, если не считать старушки-матери, которую он оставил в Лондоне. Съемное жилье в Калькутте стоило дорого, и молодой человек предпочел остаться в Форт-Уильяме. Эта крепость возвышалась у пристани на реке Хугли. В Форт-Уильяме размещались склады, гарнизон, лазарет и небольшое тюремное помещение.

Джеральду нравились местные женщины, но за пять лет жизни в чужой стране ему не удалось сблизиться ни с одной из них: индианки избегали европейских мужчин. Разумеется, случаи насилия были нередки, но молодой офицер не мог даже думать об этом: он родился в простой семье, повидал кровь и смерть, однако в глубине души был романтиком и джентльменом. Ему хотелось познать настоящую женскую ласку и любовь.

Когда Джая вышла из своих покоев, Джеральд восхищенно уставился на дочь хозяина. Молодой офицер не мог понять, каким образом индийские девушки могут одновременно казаться соблазнительными и скромными!

Ресницы стыдливо опущены, покрывало прикрывает волосы и лоб, но при этом тонкая розовая кофточка не скрывает очертаний груди, а из-под юбки выглядывают прелестные ножки в звенящих браслетах. Голые руки, обнаженный живот – смотри и любуйся, но не приближайся даже на шаг!

¹¹ Наместник провинции, князь.

Если бы молодой англичанин был знаком с индийской мифологией, он бы сказал, что это Лакшми¹², спустившаяся на землю богиня: юная девушка на пороге женственности, с лотосоподобными глазами, грациозной шеей и красивыми формами.

К восторгу молодого офицера, Джая приветствовала гостей на их родном языке. Потом скромно присела на диван в глубине комнаты и взяла в руки музыкальный инструмент.

– Позвольте побеседовать с вашей сестрой, – обратился Джеральд к Кирану.

– Наши обычаи не допускают этого, – холодно заметил молодой человек. – К тому же моя сестра, – он сделал паузу, подбирая подходящее английское слово, – помолвлена.

Ему не нравилось, что при решении своих проблем отец использует Джая в качестве приманки для английских мужланов.

Подали угощение. Заминдар собственноручно надел на шею каждому гостю цветочную гирлянду и разлил французское вино. Слуга подал воду для омовения, принес чечевицу с овощами, щедро приправленную тмином, зажаренных на вертеле птиц, вареную рыбу, творог с медом.

Желая развлечь гостей и добиться непринужденной обстановки, господин Рандхар снова завел разговор о храмовых танцовщицах.

Ни Уилсон, ни Кемпион не слышали о девадаси, и Киран был вынужден пуститься в объяснения. Разумеется, англичане поняли все на свой лад.

– Здорово придумано! – расхохотался Уилсон. – Слышишь, Джерри? Проститутки под маской «жен бога». Надо поделиться этой идеей с христианскими священниками! Храмы обогатятся!

Киран не понимал, почему эти люди с таким цинизмом говорят о религии, почему они не способны постичь, что храм – место мистической встречи человека и бога, не важно, какие обряды совершаются в его стенах! Любая вера – особый мир, это чувства людей, которые стоит уважать!

– Девушки исполняют ритуальные танцы и помогают паломникам завоевать расположение бога.

– Да, да, конечно! – воскликнул Уилсон, подливая себе вина. – Ничего не имею против. Мне нравится такая религия. Говорят, у вас есть целая книга о непристойностях, которую принято изучать как в храмах, так и в светском обществе.

– В «Камасутре» любовная игра представлена как искусство, а не просто плотская страсть, – заметил Киран.

Когда молодой человек перевел слова англичанина отцу, заминдар рассмеялся.

– Ни одна из наших женщин не ляжет в постель с европейцем! Индийские мужчины знают толк в любви, тогда как эти грубияны...

Он небрежно махнул рукой, а Киран неодобрительно сжал губы. Едва ли стоит вести такие разговоры в присутствии Джая.

К счастью, после того как девушка поиграла на ситаре, отец велел ей удалиться.

– Почему бы нам тоже не съездить в Бишнупур, Джерри? – сказал Томас Уилсон, успевший выпить немало вина. – Я еще ни разу не брал отпуск, да и ты, кажется, тоже. Интересно посмотреть на все это! К тому же ты давно мечтаешь об индианке!

– Иностранцев не пускают в храмы, – возразил Киран.

– Мы можем одеться как индусы!

– Едва ли это поможет! – засмеялся белокурый и светлокожий Кемпион.

¹² Лакшми – супруга бога Вишну, символ безупречной духовной жизни и материального процветания, богиня красоты и благополучия.

– Главное, мы готовы заплатить! – заявил Уилсон. – Все остальное – ерунда! Вы, Киран, знаете английский, Джерри немного говорит на хинди. Предпримем увеселительную поездку! Жрецы получают деньги, а мы... немного развлечемся.

– Наверное, это дорого стоит, – заметил Кемпион. Большую часть жалованья молодой человек отсылал матери.

– Брось, Джерри! В кои-то веки можно потратиться на себя! Если у тебя не хватит денег, я заплачу, – добавил Уилсон и обратился к Рандхару: – Что скажете, заминдар?

Киран с тревогой смотрел на отца. Неужели он допустит, чтобы его сын отправился в путь в такой компании?

Господин Рандхар замешкался, тогда Уилсон со значительным видом заявил:

– Я готов выделить отряд английских солдат для устрашения подчиненного вам населения. Надеюсь, это заставит крестьян лучше работать и повысит налоги.

Разумеется, после этого заминдару было некуда отступать.

– Это невозможно, отец! – воскликнул Киран, когда гости ушли. – Поехать с ними, и куда – в храм Шивы! Представляю, как они будут себя вести! А если их не пустят в храм и они устроят скандал?! Я не знаю места, где бы колонисты были менее желанны! Что они понимают в наших обычаях и святынях!

– К сожалению, сейчас именно они, а не мы хозяева этой земли, сынок. – Заминдар горестно вздохнул.

Не дождавшись поддержки отца, молодой человек пошел к сестре.

– Тот, что помоложе, красив, – застенчиво произнесла Джая, когда брат заговорил об английских офицерах.

Киран был неприятно поражен.

– Разве ты его видела?

– Я же присутствовала на ужине.

– Мне казалось, ты не поднимала глаз, как и пристало индийской девушке, – сухо заметил юноша.

Джая покраснела.

– Я смотрела украдкой. Мне показалось, что этот офицер – воспитанный и скромный человек.

– Если бы ты лучше понимала их речь, ты бы думала иначе.

– Я бы хотела научиться свободно говорить по-английски, Киран. Ты позанимаешься со мной? – спросила девушка.

– Зачем тебе это? – удивился брат. – Лучше готовься к свадьбе!

Джая пожала плечами. Она вспоминала взгляд голубых глаз молодого британского офицера. Нет, этот человек не мог быть жестоким, развязным и грубым! Как жаль, что она скоро выходит замуж. Ей бы очень хотелось еще раз встретиться с англичанином.

Томас Уилсон, Джеральд Кемпион, Киран и его слуга тронулись в путь, едва рассвело, и после полудня прибыли в Бишнупур.

Стоял чудесный день: сияло солнце, стволы деревьев казались отлитыми из меди. Отдельные вершины вспыхивали, как факелы, и тут же гасли. Земля была покрыта узорами из световых пятен. Горы, обычно туманные и далекие, очертились золотыми зубцами; казалось, город стоит внутри гигантской короны.

Для начала путники решили найти жилье. Уилсон смело вошел в первый попавшийся богатый дом, где им тут же выделили комнаты. Киран испытывал досаду, выступая в роли переводчика наглого английского офицера, но выхода не было. Он ограничился тем, что сочувственно улыбнулся хозяевам.

В храм отправились, когда стемнело. Подступы к храму охраняли два огромных каменных стражника, каждый с четырьмя руками. Указательный палец нижней правой руки был предупредительно поднят вверх.

Джеральд Кемпион вздрогнул.

– Что они хотят нам сказать? – с опаской прошептал он, пораженный мощью воздействия гигантских фигур.

– Они говорят, что сюда закрыт путь грешникам и что они покарают каждого, кто попытается осквернить святилище, – ответил Киран, втайне негодуя оттого, что служители храма увидят его, индуса, в компании военных в красных мундирах и что ему придется отстаивать их интересы.

– Посмотрим! – бодро заметил Томас Уилсон, тогда как Джеральд робко поинтересовался, как нужно себя вести в индийском храме.

– Храм – место, в котором земное встречается с небесным. Это жилище бога, – ответил Киран. – Вы можете молча поговорить с ним сами или обратиться к нему через жреца. Бог нуждается в постоянной заботе и не любит одиночества, потому в храме бурлит жизнь. Шива одарит вас своей благосклонностью, если вы пожертвуете ему красивую одежду или дорогое украшение.

Кемпион внимательно слушал и серьезно кивал, в то время как Уилсон едва сдерживал смех.

Англичанам повезло: в этот день отмечали храмовый праздник, поэтому они смешались с толпой паломников и остались незамеченными.

Джеральд с любопытством разглядывал тех, кто пришел поклониться божеству. Среди них были разные люди: прекрасно одетые и почти обнаженные, крепкие, сильные мужчины и изможденные постами аскеты, маленькие дети, немощные старцы и женщины в пестрой одежде. Кто-то повторял слова молитв, многие пели.

Кирану понравились храмовые танцы: каждое движение было выверено и наполнено смыслом, украшения и костюмы поражали богатством, да и сами исполнители отличались совершенной грацией и красотой. Кружение разноцветного вихря наполняло душу радостью и легкостью.

Томас Уилсон был изумлен роскошью, которая царила в храме. Похоже, его служители не знали слова «бедность». Впрочем, это было неудивительно: в любое время года к храму устремлялись толпы паломников. Среди жертвователей было немало богатых людей. Странно, что колониальные власти еще не добрались до этой сокровищницы! Когда представление закончилось, он нетерпеливо произнес, дернув Кирана за одежду:

– Скажи жрецам, что мы хотим выбрать девушек!

Молодой человек, прикусив губу, молчал. Выражение, застывшее на лице индийца, заставило Джеральда Кемпиона умоляюще прошептать:

– Прекрати, Том! Пошли отсюда, это же храм, а не бордель!

Заметив фигуру жреца, Уилсон протолкался к нему с видом победителя и произнес одно-единственное слово:

– Девадаси!

Жрец растерялся. Белые люди, англичане, военные – в храме, да еще с такими дерзкими требованиями!

Он что-то пробормотал, беспомощно оглядываясь по сторонам. Пересилив себя, Киран объяснил, что англичане – военные из Калькутты. Они не причинят никому вреда, просто толком не знают ни языка, ни обычаев храма. Поскольку Уилсон был настойчив, он прибавил:

– Они хотят... повидаться с танцовщицами.

– Мы заплатим! – Уилсон протянул кошелек с рупиями.

– Я не знаю, что ответить, – испуганно пробормотал служитель храма, обращаясь к Кирану. – Мне нужно посоветоваться с верховным жрецом. Приходите завтра, около полудня.

– Лучше уступить их требованиям, – сказал молодой человек. – Я не знаю, чего ожидать от этих людей!

В это время сгрудившиеся возле колонны танцовщицы, среди которых были Амрита и Тара, испуганно разглядывали англичан. В глазах Амриты застыла тревога, а сердце сжалось от предчувствия чего-то дурного. Девушке чудилось, будто в ее мир вторгается нечто разрушительное, враждебное, чужое. Другие девадаси разделяли ее чувства, и только Тара смотрела на англичан с мстительной радостью.

К девушкам подошел Камал и взволнованно произнес:

– Мне кажется, они о чем-то договорились. Если жрецы впустят в наш мир чужаков, это будет самая большая ошибка на свете!

– Пусть приходят, я буду рада, – ответила Тара.

– Что ты говоришь! – в смятении промолвила Амрита.

Тара расхохоталась.

– Ты забыла о моей обязанности обслуживать нищих, бродяг, стариков, больных и нечестивцев?

Ее смех звучал трагически и зловеще. Услышав этот демонический хохот, Камал вздрогнул и поспешно удалился.

Глава V Признание

Искусная танцовщица и не менее искусная любовница, к семнадцати годам Амрита сделалась гордостью и знаменитостью храма. Она отдавалась ритуалам с легкостью, радостью и желанием, чем, без сомнения, заслужила благосклонность великого Шивы.

Тара, напротив, прозябала в безвестности. Ею не были довольны ни паломники, ни жрецы. Обе девушки были талантливы и красивы, но если в сердце Амриты пылал огонь, то в душе Тары царила мрачная пустота.

Амрита не смогла раскрыть лучшей подруге тайну своего посвящения в девадаси. Первое время она сторонилась Камала, а при встрече смущенно опускала глаза. Однако молодой человек держался как ни в чем не бывало, и постепенно Амрита вновь стала относиться к нему как к давнему другу.

Она привыкла рассматривать акт телесного слияния как разновидность служения богу и, отдаваясь незнакомцам, не испытывала ни неловкости, ни стыда. Амрита была дорогой девадаси и обычно делила ложе с мужчинами из высших сословий. Она помогала им обрести божественное откровение, и сама нередко возносила на вершины блаженства. Кроме того, девушка продолжала жить танцем, отдавать ему свою телесную энергию и воплощать желания души. Амрита была счастлива. Может быть, потому что богу Каме еще не довелось ранить ее сердце своими стрелами.

Тара чувствовала себя по-другому. Служение в храме стало для нее пыткой: девушка ненавидела мужчин, которым она вынуждена была отдаваться, и потеряла интерес к танцам.

Это не осталось незамеченным.

Месяц назад Хемнолини, женщина, которая преподавала танцовщицам науку любви, подошла к Камалу и сказала:

– Меня беспокоит одна из девадаси, девушка по имени Тара. Люди, которые жертвуют свои деньги храму, недовольны ею. Последний раз ее выбрал очень состоятельный человек,

брахман. Потом он сказал, что с таким же успехом мог бы возлечь с деревянной куклой или древней старухой.

– При чем тут я?

Женщина вздохнула. Ее немолодое лицо было печальным и озабоченным.

– Поговори с ней.

– Обучать девушек искусству любви – твоя, а не моя обязанность, Хемнолини. Я учу только танцам.

– И что ты можешь сказать о Таре?

– Она всегда была лучшей из лучших. Танцовщица милостью Натараджи. Признаться, я полагал, что эта девушка станет звездой храма. Мне странно видеть, что теперь она ничем не отличается от остальных.

– Вот и я о том же. Мне жаль Тару. Рано или поздно слухи о ней дойдут до верховного жреца. Он не станет держать в храме девушку, которая не приносит никакого дохода и на которую жалуются паломники. Я пыталась узнать, в чем дело, но она молчит. Она никогда меня не слушала, ее не интересовало искусство любви, она не желала его постигать.

Молодой человек приподнял тонкие брови.

– И все-таки скажи, при чем тут я?

– Поговори с ней, Камал. Девчонки всегда кружили возле тебя, они тебя любят и доверяют тебе.

– По-моему, у Тары непростой характер.

– Я тоже так думаю. А еще я знаю, что у тебя доброе сердце.

Возможно, тебе удастся узнать, что у нее на душе.

– Хорошо, – пообещал юноша, – я с ней поговорю.

На следующее утро Камал разыскал Тару в храмовой пристройке, где жили девадаси, и предложил девушке выйти на улицу.

Сезон дождей еще не закончился, и мокрые постройки выглядели неприветливыми и заброшенными. Стены храма тускло поблескивали в безрадостном утреннем свете. С ветвей деревьев свисали поблекшие листья; порывистый ветер срывал их и швырял на мокрую землю. Голые склоны гор почти сливались с пасмурным небом, земля набухла, переполненная влагой.

Тара была не накрашена, с простой прической, в темнокоричневом сари, больше подходящем женщине в возрасте, а не юной девушке.

Ее темные глаза казались непроницаемыми, как ночь.

– Что тебе нужно? – неприветливо спросила она.

– Я хочу с тобой поговорить.

– О чем?

– Кое-кого тревожит твоя судьба, Тара. Ты плохо выполняешь свои обязанности. С тобой что-то происходит, а что – никто не может понять.

– Ты тем более не поймешь.

За минувшие годы Камал не утратил ни обаяния, ни терпения. Не обращая внимания на тон девушки, он улыбнулся и произнес:

– Я постараюсь.

Тара, казалось, смотрела сквозь Камала, храм и застывшие на горизонте горы и видела нечто такое, что было доступно только ей одной.

– Я всегда думала, что попала в храм для того, чтобы танцевать, а не для того, чтобы отдаваться каждому, кто укажет на меня пальцем!

– Разве тебе не говорили, что ты должна служить богу, а не своим желаниям?

– Я не хочу делать то, что мне не нравится, – упрямо повторила она и продолжила срывающимся голосом: – Я не получаю никакого удовольствия, ложась с незнакомцами. Мне противно. Мне плохо. Я несчастна. Полагаешь, это угодно богу?!

Камал замолчал, осмысливая сказанное. Он помнил, с каким рвением Тара стремилась стать лучшей из танцовщиц, как упорно трудилась до тех пор, пока не достигала желаемого. У этой девушки были и характер, и талант, и сила воли! В чем же причина, куда все ушло, что погасило огонь?

– Когда-то я посоветовал Амрите брать пример с тебя, теперь говорю тебе: посмотри на Амриту!

– Амрита другая, – заметила Тара. – Она не страдает той болезнью, которая есть у меня. Камал ухватился за неожиданное признание.

– Болезнь? Причина в телесном изъяде? Такое случается... Ты говорила с врачом?

Девушка прикусила губу. Перед ней было ее счастье. Ее идол, ее идеал, ее бог. Он пришел, пришел сам, пришел, чтобы помочь. Другого случая может не быть.

– Здесь нужен не врач... Камал! Позволь, я приду к тебе нынешней ночью, и ты... все поймешь.

Он невольно отшатнулся.

– Это запрещено. Я принадлежу только богу.

Глаза Тары, словно два драгоценных камня, переливались таинственным сиянием.

– Это не то, о чем ты подумал. Мы просто... поговорим.

Я открою тебе свою тайну.

– Скажи сейчас!

– Нет, – решительно произнесла Тара. – Мне неловко говорить об этом при свете дня. Она гордо расправила плечи и повернулась, чтобы уйти, но он удержал ее.

– Хорошо. Я буду ждать тебя... в полночь. Ты знаешь, где я живу?

– Да.

– Будь осторожна, чтобы никто не заметил.

Около полуночи, закончив приготовления, Тара незаметно выскользнула на улицу.

Шел мелкий дождь – капли чуть слышно шелестели в листве. Остро пахло свежей травой, землей и мокрой древесной корой.

Тара долго смотрела на храм. С раннего детства он был ее домом, его звуки и образы жили в ее душе, он никогда не казался ей чем-то застывшим, напротив – изменчивым, подвижным, как пламя, вода или ветер. Она никогда не думала, что храм станет ее соперником в борьбе за счастье.

Очутившись в жилище Камала, девушка с удивлением отметила, что здесь нет ни роскошных тканей, ни изысканной мебели. Жесткие циновки, глиняный светильник – вот и все убранство.

Тара поняла: в храме Камал был «богом», в своем жилье превращался в человека. В обрядах и танцах воплощал чувственную ипостась Шивы, в обычной жизни вел себя как суровый аскет.

Вероятно, она была первой женщиной, переступившей порог этой убогой каморки.

Камал поднялся ей навстречу. Без ярких украшений и дорогой одежды он выглядел понятнее, ближе и... беззащитнее.

Тара предстала перед ним иной: искусно уложенные волосы, звенящие браслеты, гроздь рубинов в ушах и на шее, будто капли крови, а прозрачные розовые шальвары – как паутинка, опутывающая стройные ноги. Грудь была обнажена, соски ярко окрашены охрой, как и пальцы на руках и ногах.

Девушка дернула алый шнурок на талии – шальвары легким облачком упали к ее ногам. Тара изящно переступила через них и сказала:

– Я и вправду пришла поговорить. Поговорить... на языке любви. Возьми меня! Возможно, тогда ты поймешь, в чем заключается мой недуг. И быть может, сумеешь помочь.

Камал смотрел на нее во все глаза, не зная, что сказать. Его плоть протестовала против доводов разума. Девушка так соблазнительна и красива... А он молод и нуждается в женской ласке. Почему бы нет? Хотя бы один раз. Никто не узнает...

Тара была права – Камал служил Шиве, а не своим желаниям. В жизни храмового танцовщика не было женщин, кроме одной опытной девадасы, обучавшей его искусству любви, когда ему исполнилось четырнадцать лет, и девочек, которые проходили обряд посвящения.

То был ритуал, не имеющий ничего общего с истинным актом любви. Да и это случилось нечасто. Камал привык к воздержанию, но иногда оно начинало его тяготить. Он постоянно находился в окружении прелестных девушек и женщин, многие из которых проявляли к нему симпатию, но ни одна не осмелилась прийти в его жилище, чтобы предложить насладиться ее страстью, ее телом.

Тара взяла его руку и притянула к своему женскому естеству. Она глубоко и ровно дышала, но в ее блестящих глазах сквозило напряжение.

Камал подумал о бархатистых розовых лепестках, покрытых нежной росой. Он обнял девушку, и они с трепетом и жадностью прильнули друг к другу.

Вхождение лингама в йони было острым как нож, и вместе с тем Таре почудилось, будто в ее тело вливается густой, нежный и сладкий как мед поток.

То была ночь бесстыдной чувственной страсти, горячей как пламя, сжигающее душу дотла, страсти, которая превратила Тару в настоящую женщину. За несколько часов она успела познать все безумие, всю утонченность, всю глубину телесной любви. Страсть пронзала ее насквозь, и она была готова умереть от этих огненных ран.

Тара видела свое отражение в глазах Камала, ослеплявшее сладострастием, ошеломляющее потоком нежности.

– Не спи! – прошептала девушка, когда он устало закрыл глаза.

Юноша улыбнулся.

– За одну ночь мы все равно не сумеем перелистать всю «Камасутру»!

– У нас не хватит времени?

– Прежде всего – не хватит сил.

Прерывисто вздохнув, Тара прижалась щекой к его плечу.

– Теперь ты понял, Камал? Мои ножны созданы для одногоединственного кинжала! Я тебя люблю. И всегда любила. Еще в детстве я мечтала соединиться с тобой, так же как Сати, едва родившись, уже желала выйти замуж за Шиву. Если бы мне пришлось выбирать между службой в храме и тобой, я бы выбрала тебя. Сначала я думала, что мы должны быть вместе, потому что оба не можем жить без танца, потому что мы подкидыши и не знаем, к какой касте принадлежим. Теперь могу добавить: «Потому что нам хорошо друг с другом».

Замолчав, девушка с болью почувствовала, как он отдалился, похолодел.

– По-твоему, я тоже должен сделать выбор?

– Нет. Я знаю, что ты выберешь. Прежде я хотела, чтобы ты принадлежал только мне. Потом поняла, что это невозможно, и решила провести с тобой хотя бы одну ночь. – Она горько усмехнулась. – Чтобы познать настоящую радость. Чтобы мне было что вспомнить. Чтобы я могла сравнивать тебя с другими.

Камал смягчился.

– Приходи завтра. И послезавтра тоже. Мне хорошо с тобой. Я никогда не испытывал ничего подобного.

Остаток ночи прошел так же, как и начало: их тела неустанно сплетались в страстных объятиях. Светильник давно погас, циновка пропиталась потом и соками любви.

Перед тем как уйти, Тара долго лежала молча и думала.

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Двадцать четыре.

– Неужели за все эти годы ты никогда не отпускал себя на свободу?

– Я всегда был свободен.

– Стало быть, мы понимаем свободу по-разному, – сказала Тара и добавила: – Пройдет с десяток лет, может, чуть больше, и твое тело начнет меняться, постепенно утратит гибкость, черты отяжелеют, взгляд потухнет. Что ты станешь делать тогда? – Я никогда не задумывался об этом.

– Напрасно. Человек должен думать о том, что у него останется, когда его начнет разрушать время.

– Останется любовь к Натарадже.

– Ты уверен, что Натараджа будет любить тебя так, как ты любишь его, когда перестанешь ему служить? Что ты будешь нужен ему? Нужен так, как ты нужен мне?

Камал пожал плечами.

– Только безумец может поставить любовь смертного выше любви к богу.

Тара вышла на улицу в тот миг, когда звезды погасли и наступил рассвет. Ей казалось, будто прошла целая вечность и мир волшебным образом изменился, став совершенно другим.

В комнатке, которую она делила с тремя другими девадаси, девушка обнаружила Амриту – та причесывалась перед серебряным зеркалом.

– Где ты была? – спокойно спросила подруга.

– Я провела ночь с Камалом.

Амрита уронила гребень и уставилась на подругу.

– Он позвал тебя?

– Я сама напросилась.

Тара села и попыталась пригладить растрепавшиеся волосы.

Она выглядела растерянной и трогательно смущенной.

– Что ты почувствовала? – спросила Амрита.

– Это было непередаваемо! – выдохнула Тара. – Совсем не так, как с другими.

При воспоминаниях о гибком и сильном теле Камала, его движениях, таких же изящных и красивых, как в танце, она ощутила волнующую дрожь.

– Он тебя любит? – спросила Амрита и увидела, как сникла Тара.

– Я не спрашивала, потому что, возможно, знаю ответ. Но он просил прийти завтра. И послезавтра. – Она вздохнула и изрекла: – Настоящая жизнь – жизнь, которой живешь сейчас, в этот миг. Остальное – обман.

– Ты так думаешь?

– Иного мне не остается.

Так продолжалось ровно месяц – целый месяц Тара была счастлива и полна надежд на будущее. Она приходила к Камалу каждую ночь, и они предавались безумной страсти. Девушка изобретала различные предлоги, ссылаясь на несуществующие болезни, лишь бы не принимать у себя паломников.

Между тем к ней вернулись веселый задор и чувство уверенности в себе, а взгляд стал открытым и ясным.

Когда она танцевала, ее движения были полны чарующей, завораживающей, неумолимой силы, такой же как любовь и страсть, а глаза казались колодцами, полными извечной женской тайны.

Столь же непознанной и глубокой, как человеческая душа.

Тара вернула себе славу лучшей танцовщицы храма и затмила Амриту. Та не огорчалась и не завидовала – она радовалась счастьем подруги.

А потом случилось то, что должно было случиться.

Постепенно любовники утратили осторожность и украдкой обнимались не только в жилище Камала, но и в храме. Однажды, когда девушки украшали статуи к празднику, Тара отошла со своим возлюбленным в укромный уголок, чтобы договориться о ночном свидании. Предпраздничное время было наполнено хлопотами, служители сновали туда-сюда, в храм текли толпы паломников. Они с Камалом не виделись вот уже несколько ночей и болезненно желали друг друга.

– Вчера я хотела прийти к тебе, но не смогла, – с волнением произнесла девушка. – Боялась, что меня увидят. Скажи, мы не можем встретиться в другом месте?

Тара вспомнила о проломе в стене, который давным-давно заложила камнями. Они могли бы выбраться наружу, и... Мысль о ночной прогулке сводила ее с ума. Только едва ли Камал согласится: он никогда не покидает территории храма.

– Не знаю. Надо что-то придумать. Ночь без тебя – невыносимая пытка! – воскликнул он и, изнывая от нетерпения, прильнул губами к ее губам.

Они не заметили, как перешли грань и стали ласкать друг друга. Молодой человек, усадив девушку на каменный постамент, целовал ее грудь, шею и плечи. Тара откинула голову назад и в блаженстве закрыла глаза, между тем как его руки начали поднимать ткань ее легкой сборчатой юбки.

Резкий голос прервал лихорадочное слияние их тел.

– Это что за сцены из «Камасутры»? Да еще в храме! Кто вам позволил?!

Перед ними стоял один из жрецов в длинной одежде. Он держал в руке жезл, служивший для того, чтобы отгонять злых духов. Его глаза были холодными и злыми.

Тара увидела, что Камал не на шутку испугался. Он упал на колени, тогда как девушка стояла прямо и гордо. На губах Тары играла дерзкая улыбка. Когда-то она жила, отравленная мучительным ожиданием счастья, теперь была больно ранена предчувствием смертельного разочарования и горя.

Молодой человек простерся на полу и протянул руки к ногам жреца.

– Прости! Прости! Клянусь Шивой, это никогда не повторится!

Служитель храма произнес полную угроз и утраченных назидательную речь. Ослушникам было приказано явиться к одному из верховных жрецов.

Когда жрец ушел, Камал поднялся на ноги. Девушка смотрела на него во все глаза. Совсем недавно ей чудилось, будто за его спиной колышутся упругие, сильные крылья. Сейчас он выглядел жалким, растерянным и поникшим.

– Я знал, что это случится! – произнес он побелевшими губами. – Знал, что мне суждено быть наказанным за то, что я забыл о служении Шиве! За то, что предпочел любви к богу страсть к земной женщине!

Тара предприняла последнюю попытку.

– Давай сбежим! Я знаю, как это сделать. Уедем в Калькутту. На свете много богатых людей, которым нравятся танцы. Я согласна выступать даже на улицах, лишь бы быть рядом с тобой! Клянусь, мы сумеем заработать на кусок хлеба!

Камал отшатнулся от нее, как от прокаженной.

– Разве можно превращать храмовые танцы в уличное представление?!

– Я думаю, важно не то, где ты танцуешь, а как ты это делаешь. Наше искусство создано не для богов, а для людей. Для всех людей, а не только для тех, кто явился почтить бога Шиву.

Камал в страхе затрепетал.

– Я хочу и могу танцевать только в храме!

Тара замолчала.

– Мы больше не будем встречаться? – спросила она после паузы.

– Нет. Никогда!

Камал вел себя униженно, покаянно, и его простили. Тара держалась вызывающе, и ей назначили наказание: отныне она была обязана удовлетворять потребности самых бедных и убогих паломников. Нищие, старики, мужчины, зараженные проказой, тоже нуждались в божественной благодати! Отдаваясь им, девушка искупала вину за то, что ее тайным любовником был молодой и красивый мужчина. Мужчина, которого она любила всем сердцем и который предал ее любовь.

– Он мог бы взять часть вины на себя, – говорила расстроенная Амрита, глядя волосы лежавшей ничком подруги. – Сказать, что это он тебя соблазнил.

– В этом пришлось признаться мне, – глухо отвечала ей Тара. – Я не хотела, чтобы Камал меня возненавидел. Это непременно случилось бы, если бы его наказали!

– Как он себя вел?

– Ползал перед ними и умолял простить. Говорят, воля Шивы порождает героев. Помоему, иногда она порождает трусов.

– Я не думала, что он такой... – Амрита на секунду задумалась. – Он казался таким понимающим, великодушным.

Тара оторвала руки от залитого слезами лица.

– Он никогда не испытывал страданий, его все любили, восхищались его красотой и талантом. Смотрели как на живого бога! Ему было легко казаться благородным и добрым.

– Он знает, к чему тебя приговорили?

– Да, знает.

– Неужели он не подошел к тебе, не посочувствовал, не утешил? – прошептала Амрита.

– Нет. Он сторонится меня, будто я заразилась смертельной болезнью! Я надеялась, что он меня полюбит, но теперь знаю, что была нужна ему только для телесного удовольствия.

– Не терзай себя, Тара, забудь о нем, он тебя не достоин! – со слезами воскликнула девушка. – Несмотря на свое обаяние, красоту и талант, он худший из мужчин!

Когда-то Амрита точно так же пыталась утешить подругу после ее посвящения в девадаси. Пыталась – и не могла. Можно ли вылечить сердце, раненное таким жестоким горем!

Что с ними такое и кто они такие, если нужны мужчинам лишь для сиюминутной утехи? Неужели то, что им внушали все эти годы, – ложь?!

Тара резко села на циновке и исступленно произнесла:

– Ты моя лучшая подруга, и я хочу признаться в своем желании сбежать отсюда, навсегда покинуть храм!

– Куда ты пойдешь? – в смятении проговорила Амрита.

– Куда угодно, лишь бы очутиться подальше от этого «божественного» места.

Глава VI Знакомство

Близился полдень, а Томас Уилсон все еще валялся в постели. К удивлению Джеральда Кемпиона, он заявил, что не хочет идти в храм.

– Мне не нравятся ни лица индианок, ни их наряды. Я предпочитаю белых женщин. Но ты иди, Джерри. Ты всегда мечтал познать любовь индийской красавицы. Киран поможет тебе договориться со служителями храма.

Киран молчал, и за этим молчанием скрывались возмущение и протест. Молодой человек так и не смог объяснить англичанам, что храм Шивы – место поклонения богу, а не дорогой бордель. Для них священная вера индусов была сродни вере язычников, чему-то нелепому, устаревшему и смешному.

Оставшись один, Томас принялся вспоминать роскошное убранство храма. Сколько золота и драгоценных камней, и все это толком не охраняется!

Англичанин с усмешкой подумал о стоящих у входа каменных идолах. Не будь он заместителем начальника гарнизона Калькутты, обязательно предпринял бы попытку тайком проникнуть в храм и поживиться его добром! Даже толики хранящегося там золота хватило бы на то, чтобы безбедно прожить остаток жизни! И желательно в Лондоне, а не в этой жаркой и душной стране, полной темных, грязных людей и отвратительных насекомых!

Киран и Джеральд шли к храму по выложенным цепочкой квадратным каменным плитам. Англичанин с изумлением вглядывался в изображения, украшающие внешние стены святилища. Какая свобода, какое буйство фантазии!

– Должно быть, люди, создававшие эти скульптуры, были свободны от запретов, – заметил он. – В нашей стране подобное кажется невозможным! И потом, я думаю, что плотская связь – это... это таинство двоих.

– Чувственное желание, кама, – одна из целей человеческого существования. Это не только влечение плоти, но и восприимчивость к чувствам другого человека, способность оценить глубину наслаждения того, кого любишь. Наш народ не знаком с мифом о первородном грехе; у нас слияние мужского и женского начал – это разновидность богослужения. Соединение двух полов есть проявление божественного начала, потому нам незачем стыдиться этих скульптур, – сухо произнес Киран.

– Вы получили хорошее образование, – смущенно промолвил Джеральд. – Не то что я. Мне трудно понять... все это.

– Способность воспринимать прекрасное дается человеку с рождения или не дается вообще, как и способность сопереживать.

– Я знаю, вы смотрите на нас как на жестоких и грубых завоевателей, Киран. Поверьте, я не виноват в том, что был несчастлив в своей стране, что, будучи молодым, здоровым и сильным, погибал от нищеты. Поездка в Индию стала для меня спасением.

«Теперь, благодаря таким, как ты, от голода погибают наши люди», – подумал Киран, но ограничился тем, что сказал:

– Жаль, что вы не стремитесь понять нашу культуру. Увидев каменный лингам, ваш друг хохотал, как безумный. Стал бы он смеяться в своем храме?

Джеральд улыбнулся. Вчера он сам едва удержался от смеха.

– Не сердитесь на Томаса. У нас не было времени изучать культуру вашей страны. Мы только и делали, что воевали. Наши священники считают все плотское скверной. Религия и... лингам – нечто настолько не сочетаемое...

– Я знаю, что в вашем представлении физическая близость унижительна, особенно для женщины. У нас все наоборот, – сказал Киран и, подумав, добавил: – Позвольте дать вам совет: не обижайте индийскую девушку. Скорее всего, вам отдадут какую-нибудь несчастную, осужденную на необходимость принимать иностранцев и представителей низших каст.

Англичанин покраснел.

– Я не собираюсь ее обижать.

После того как молодые люди переговорили со жрецом, к ним вышли две девадаси.

Одна из них была красива мрачноватой, завораживающей взор красотой. У нее был твердый взгляд и плотно сжатые губы. Кирану показалось, что душа молодой индианки закована в стальную броню.

Вторая казалась нежнее и мягче. Чувственное лицо, выразительные глаза. Она была одета в ярко-желтое сари, красиво оттенявшее гладкую смуглую кожу.

Это были Тара и Амрита, которую подруга попросила пойти с ней «для поддержки».

Англичанин показался Амрите неуклюжим и грубым. Второй юноша, индеец, выглядел несколько замкнутым и высокомерным. У него было лицо человека, который редко обращает внимание на то, что творится вокруг, и посвящает время умственным занятиям.

Похоже, он был из тех, кого не привлекает искусство девадаси. Внезапно Амрите стало стыдно оттого, что он может увидеть в ней женщину, способную отдаться любому мужчине. Встретив пристальный, изучающий и одновременно осуждающий взгляд молодого человека, Амрита впервые почувствовала себя не «женой бога», а обычной проституткой.

Тара подошла к англичанину, смело посмотрела ему в глаза и что-то сказала.

– Эта девушка пойдет с вами и исполнит ваши желания, – перевел Киран, негодуя оттого, что ему приходится выступать в роли посредника в таком щекотливом, он бы даже сказал, непристойном деле.

Тара повернулась и быстро пошла вперед. Озадаченный Джеральд последовал за ней.

– Ваша подруга за что-то наказана? – спросил Киран Амриту, когда они остались одни.

Девушка вздрогнула. Этот человек прекрасно понимал, что происходит!

Она решила сказать правду.

– Да. За то, что осмелилась поставить любовь к смертному мужчине выше любви к богу.

– Какие жестокие нравы, – заметил молодой человек.

– Таковы правила жизни в храме, – ответила Амрита. – Их нельзя нарушать.

– Правда, что девадаси не могут выйти замуж? – спросил он, и лицо девушки залила краска.

– Мы все «жены Шивы».

– Давно вы в храме?

– Десять лет.

– Как вы здесь оказались? – Его голос звучал требовательно и строго, как будто она была обязана отвечать.

– Мои родители – бедные люди. У них было семь дочерей и два сына. Когда один человек посоветовал посвятить меня богу, они так и сделали.

– Вам здесь нравится?

– Да. Я знаю, для чего живу, рядом находятся люди, которые меня понимают. Я люблю танцевать. Здесь со мной не может случиться ничего плохого.

– Иным словом, вы боитесь жизни за пределами храма, потому что ничего о ней не знаете.

Амрита позволила себе улыбнуться.

– Когда меня привезли в храм, мне было семь лет. Конечно, я все забыла.

– Вы правы, – задумчиво произнес Киран. – Там, в другой жизни, многие люди голодают, страну раздирают колониальные войны. А здесь нет недостатка ни в еде, ни в красивых нарядах, ни в украшениях, ни... в развлечениях.

Амрита почувствовала, что он осуждает ее, только не понимала за что.

– А вы, – спросила она, желая защититься, – зачем сюда приехали?

– Мне навязали эту поездку, а в придачу еще и двух англичан! Они знакомые моего отца, и я знаю их язык, – холодно ответил Киран.

– Вам, вероятно, неинтересно то, что происходит в храме. – Амрита не скрывала своего разочарования.

– Я хорошо изучил европейскую культуру и не могу воспринимать всерьез то, во что вы верите как в единственную истину.

– Вам нравится все английское, но при этом вы не любите англичан, – заметила Амрита.

– Я не люблю завоевателей своей страны, только и всего. Мне неприятно подчиняться этим людям.

«Интересно, умеет ли он улыбаться?» – подумала девушка. Без сомнения, приветливость прибавила бы ему обаяния и привлекательности.

– К какой касте принадлежали ваши родители? – поинтересовался Киран. – Не каждый отдаст свою дочь в храмовые танцовщицы!

– Я шудра, – призналась девушка и погрузилась. Ее собеседник наверняка принадлежал к одной из высших каст.

– Кажется, храм – это такое место, где кастовые различия не имеют решающего значения? – заметил Киран. – Я имею в виду, для танцовщиц, музыкантов... – Вы правы.

– Впрочем, вы не просто танцовщица, вы – девадаси. Вы исполняете ритуальный танец, за которым следует... другой ритуал. Совершая его, вы испытываете такое же удовольствие, как и от танца?

В глазах Амриты блеснули слезы. Этот человек ее презирает, он смеется над ней! Она должна быть выше его насмешек, должна защитить свою честь!

– Я понимаю, о чем вы. Тело – такой же инструмент познания бога, как и душа. Вы должны это знать.

Амрита гордо подняла голову и постаралась, чтобы голос ее не дрожал.

Киран заметил ее слезы, и ему стало стыдно. Девушка выглядела воспитанной, скромной и не походила на продажную женщину.

– Простите, я не хотел вас обидеть. Мне не стоит судить о том, чего я не понимаю. Я уже говорил о своем увлечении европейской культурой. Вместе с тем, – он сделал паузу, – мне часто приходится следовать индийским обычаям. Скажем, отец женит меня на девушке, которую я не видел и не увижу до свадьбы, и я вынужден подчиниться его решению.

– Почему?

– Потому что я зависим от него.

Амрита опустила голову. Этот юноша женится! А она никогда не сможет выйти замуж. Она проживет в храме всю жизнь, здесь состарится и умрет. И возможно, о ней никто никогда не вспомнит.

– Как вас зовут? – спросил молодой человек.

– Амрита.

– Меня – Киран.

– Откуда вы?

– Из Калькутты.

– Вы уезжаете домой?

– Не знаю. Наверное, проживу в Бишнупуре несколько дней.

«Вы еще придете?» – хотела спросить Амрита, но не осмелилась. У нее не было права интересоваться желаниями этого человека. Между тем он был интересен ей. Образованный, умный, с необычными суждениями, не похожий на остальных мужчин. У него был вдумчивый, серьезный, немного печальный взгляд.

Бог Кама стоял рядом и улыбался. Он натянул свой лук и был готов выстрелить. Амрита закрыла глаза. О нет, только не это! Но бог не послушался, и увенчанная алым цветком стрела вонзилась ей в сердце.

Тара привела Джеральда в комнату, где обычно принимала паломников, села на циновку, поджав под себя ноги, и с любопытством ждала, что он будет делать.

Англичанин чувствовал себя скованно и неловко. Он слышал о том, что индийские мужчины весьма искусны в любовной игре. Он же не мог похвастать подобным умением. Его чувственный опыт ограничивался несколькими случайными связями.

Для начала молодой человек решил узнать имя девушки.

– Как тебя зовут? – спросил он на хинди.

Тара вздрогнула от неожиданности. Она не догадывалась, что он знает ее язык.

– Тара.

– Джерри. – Он показал на себя.

Девушка усмехнулась. Светлая кожа, светлые волосы, голубые глаза. Полная противоположность Камалу.

Англичанин смотрел страстно, но не требовательно, скорее просяще. Тара почувствовала, что не станет плакать, как плакала, когда отдавалась индийским паломникам – нищим, больным, старикам, – плакала от отвращения, унижения и бессилия.

Она сделала жест сверху вниз.

– Раздевайся.

– Я знаю, что ты не продажная женщина, – сказал Джеральд по-английски. – Таким образом вы служите богу. – И прибавил: – Мне всегда нравились индийские девушки, но я ни разу не дотрагивался ни до одной из них.

Он расстегнул мундир. Тара с любопытством следила за его движениями. Какая неудобная, нелепая и смешная одежда! Она едва не расхохоталась, когда он снял парик. Что за странная штукавина, а главное, зачем она нужна?! Любопытно, как европейцы выдерживают зной в таком наряде?

Тело англичанина оказалось красивым, сильным и стройным. Кожа в тех местах, куда не доставало солнце, была молочнобелой, удивительно тонкой и нежной на вид. Его собственные волосы оказались светлыми, как солома. Девушка решила, что англичане носят нелепые фальшивые прически для того, чтобы быть похожими друг на друга.

Тара показалась Джеральду редкой красавицей. Тонкая талия, крутые бедра, налитая грудь, гибкие руки и ноги, алые губы, большие глаза, роскошные волосы. Когда девушка распустила волосы, они окутали ее с головы до ног, будто волны черного дыма.

Тара зажгла курительницу, и комната наполнилась ароматом благовоний.

Она могла бы и не читать сутры, но таков был обычай; за годы служения в храме девушка привыкла к нему.

Англичанин внимательно и серьезно слушал, не понимая ни слова.

В ритуальных занятиях любовью не паломник, а девадаси играет роль посвящающей. Она поклоняется лингаму мужчины, как если бы это был лингам самого Шивы, и пробуждает в паломнике божественную страсть.

Ни одна англичанка под страхом смерти не согласилась бы сделать то, что делала эта девушка! Причем ее действия выглядели совершенно естественными, она не испытывала ни малейшей неловкости и стыда.

Соединившись с Тарой, Джеральд испытал необычайное блаженство. Как будто он вознесся на небеса! Помня обещание, данное Кирану, молодой человек старался быть осторожным и нежным, но при этом все равно ощущал себя неловким и грубым.

Джеральд не знал, что почувствовала девушка. Он целовал ее лицо и тело, гладил волосы, желая, чтобы она поняла, как он ей благодарен.

К удивлению Тары, ей было почти приятно. Хотя англичанин не отличался какими-то особыми достоинствами и умениями, он оказался довольно чутким и нежным, обращался с ней бережно, как с фарфоровой статуэткой. И, судя по всему, был в восторге от того, что ему довелось испытать.

Тара невольно почувствовала мстительную радость. Этот мужчина пришел, чтобы попользоваться ею как вещью, а теперь смотрел как на богиню! Надо попытаться его приворожить, сделать рабом телесной страсти, и тогда, быть может, он заберет ее отсюда!

Девушка по-прежнему желала покинуть храм, она не хотела отдаваться кому попало, не могла видеть Камала, с которым ей приходилось сталкиваться почти каждый день. Она устала от страданий, от бесплодных надежд и мечтала очутиться в другом мире.

Джеральд хотел дать Таре деньги, но она покачала головой.

Награду следовало возложить на алтарь бога Шивы.

На прощание Джеральд поцеловал девушке руку, как это делают воспитанные европейцы, и поклонился ей на индийский манер.

Киран ждал у ворот. Он выглядел все таким же замкнутым и неулыбчивым.

– Как жаль, что я плохо знаю язык! – с сожалением произнес Джеральд. – Пожалуй, будет лучше, если вы продиктуете мне некоторые фразы, а я запишу. Я так много хотел сказать этой девушке! Кстати, что означает имя Тара?

– Звезда.

Джеральд шумно вздохнул.

– Она восхитительна! А вы были с другой?

– Мы просто разговаривали, – ответил Киран и спросил: – Значит, вам понравилось искусство девадаси?

– О да! Я и не знал, что это можно делать настолько... поразному. Ваши мужчины просто счастливы! – Джеральд в смущении добавил: – Пожалуй, теперь я могу понять, почему вы служите богу таким странным образом.

– Это происходит только в храме, – заметил Киран. – В семейной жизни цель телесной близости – произведение на свет потомства.

Молодой человек подумал о своей свадьбе. Его обязанность – обучить молодую жену супружеской любви. Какой урок он сумеет ей преподать, не имея чувственного опыта? Собственно, именно за этим он и приехал в храм Шивы. Отец решил, что будет лучше, если сын познает секреты любовной страсти не в объятиях обычной продажной девки, а испытает магическую силу, какой, по слухам, обладают девадаси.

Утонченной натуре Кирана претила продажная любовь. Юноша не верил в чудотворные способности храмовых «жриц любви». Просто они, имея чувственный опыт, умели пробуждать и удовлетворять мужскую страсть и при этом не страдали корыстолюбием проституток.

Киран подумал об Амрите и покраснел. Едва ли он решился бы заговорить с девушкой о столь деликатной проблеме! Он не хотел ее обижать.

Его сестра Джая была довольно образованной для индианки, но не казалась умнее этой девушки. Шудра! Самая низкая каста, но... какое это имеет значение... для любви.

Вспоминая огромные лучистые и выразительные глаза Амриты, ее взволнованное лицо, нежную улыбку и мелодичный голос, Киран решил во что бы то ни стало еще раз побывать в храме.

Джеральд мечтал о том же.

– Будь моя воля, я бы увез эту девушку с собой! – в сердцах воскликнул он, когда они с Кираном возвращались в город.

– Подруга Тары сказала, что ее жестоко обидели в храме и она желает навсегда покинуть это место.

– Хочет уехать? – Джеральд удивленно заморгал. – Ее отпустят?

– Едва ли. Возможно, она надумала бежать?

Когда они вернулись, Томас Уилсон уже поднялся и прихлебывал поданный хозяевами арак¹³. Джеральд Кемпион говорил только об индианке, тогда как командир молча следил за ним глазами.

– Можешь забрать ее в Калькутту, мне все равно, – наконец обронил он. – Только боюсь, она быстро тебе наскучит. Ты плохо знаешь ее язык, а она вовсе не понимает по-английски. Как вы будете объясняться?

Остаток дня Джеральд усиленно зубрил слова и фразы на хинди, которые продиктовал ему Киран.

¹³ Крепкий напиток, приготовляемый из пальмового сока.

– Я не собираюсь здесь задерживаться, – заметил Томас. – Еще день-два – и мы уедем.
– Я поживу в Бишнупуре несколько дней, – задумчиво промолвил Киран. – Хочу получше познакомиться с храмом.

Томас лукаво подмигнул Джеральду, но тот был поглощен своей безумной затеей и ничего не заметил.

Глава VII Любовь

Окружавшая храм низина была покрыта светлыми и чистыми, продуваемыми ветрами рощами. Густые кроны деревьев клубились, как зеленые облака. Землю покрывала густая, сочная, прохладная трава.

Амрита не стала допытываться, каким образом Кирану удалось добиться, чтобы ее отпустили из храма: она просто наслаждалась прогулкой, солнечным светом, зеленью, ветром и близостью человека, чей взгляд и слова сумели разбудить ее сердце.

Храм возвышался в стороне, похожий на мифическую гору или застывшее пламя жертвенного огня, но девушка старалась не думать об этом отделенном оградой пространстве, особенном мире, куда ей волей-неволей придется вернуться.

Пройдя через рощу, Амрита и Киран вышли на луг, и девушка ахнула. Крупные пурпурные шапки, золотые шары, голубые и лиловые звезды покрывали землю до самого дальнего края леса.

– Даже цветы здесь другие, не такие, как в нашем саду, – сказал Киран, и Амрита вспомнила о том, что до сих пор не знает, кто его родители.

Девушка нагнулась, нарвала цветов и принялась плести венок.

– Джае бы понравилось здесь, – заметил молодой человек, – она любит цветы.

Амрита выпрямилась.

– Джая?

– Это моя сестра.

– А... ваш отец?

Киран уловил суть вопроса и помрачнел.

– Он заминдар. Очень богатый, решительный и властный человек. Он никогда и ни в чем мне не отказывал. Я желал приобщиться к европейской культуре – и он дал мне образование. Мне было неинтересно заниматься имением – и отец нанял опытного управляющего. Я делал все, что хотел, и вместе с тем всегда знал, что в решающий момент не смогу противостоять его воле.

– Вы говорите о своей женитьбе? – прошептала Амрита. – Да, – ответил Киран и неожиданно попросил: – Станцуй!

Девушка растерялась.

– Здесь?

– Да.

– Как в храме?

– Нет, не как в храме. Не для Шивы, а для меня.

Амрита кивнула и закружилась, сплетая и расплетая руки. Ее юбка стремительно развевалась, тонкие пальцы вздрагивали, браслеты звенели, черные глаза влажно блестели. В своем первозданном, ярко передающем настроение танце она казалась существом без прошлого – безнаказанным, безымянным, необычным, не дающимся в руки.

Колыхание легкой ткани создавало вокруг нее яркий ореол, глубокий вырез блузы открывал плечи и верхнюю часть груди; ее кожа была смуглой, с тем теплым золотистым оттенком, какой имеет цвет янтаря.

Кирану мучительно захотелось познать тайный язык ее танца, сокровенный, как одиночество, страстный, как любовь, и опьяняющий, как свобода. Одновременно его пронзило желание обладать девушкой, такое мучительное, что хотелось кричать.

Когда танцовщица остановилась, молодой человек подошел к ней, крепко обнял и страстно поцеловал в губы.

Амрита и Киран лежали в траве, в цветах, под синим небом и ярким солнцем и, казалось, были одни во всей Вселенной.

Амрите грезилось, будто она видит сон и не желает просыпаться. Все, что было прежде, осталось далеко позади, в прошлой жизни. Девушке чудилось, будто она никогда не знала, что такое объятия других мужчин, ибо настоящее посвящение она прошла только сейчас. То было посвящение в любовь.

Амрита не могла припомнить, когда чувствовала себя такой счастливой. Прежде девушка думала: если не вырвать любовь из сердца, а рану не зашить суровой ниткой, она станет такой же несчастной, как Тара. На самом деле все оказалось иным. – Мне кажется, будто я вижу мир впервые, – сказал Киран.

– Мне тоже, – прошептала Амрита.

– Давай останемся здесь навсегда!

– Давай!

– Я никогда не думал, что можно ничего не говорить, но при этом так хорошо понимать друг друга, – промолвил молодой человек, и Амрита впервые увидела его улыбку.

Девушка спрятала лицо на груди возлюбленного. Как хорошо, что он привел ее сюда, что они не остались в храме! Не было ни полумрака лишенной окон и освещаемой лишь тусклым светильником комнаты, ни аромата курений, ни магических слов. Была другая магия, магия взгляда, свободы, любви. Они любили друг друга и служили друг другу.

Киран не желал воспринимать Амриту как нечто отдельное, ему хотелось бесконечно сливаться с ней. Когда они уставали, он зарывался лицом в ее волосы или прикивал губами к груди. Юноша не думал о тех мужчинах, которым она принадлежала.

Ему казалось, что эта женщина создана для него одного.

– Я желаю украсть тебя у бога, я не хочу разлучаться с тобой!

Амрита печально улыбнулась.

– Ты знаешь, что это невозможно. Ты – сын заминдара, а я – девадаси. Ты должен жениться, а я не могу покинуть храм.

– Я приеду за тобой и увезу в Калькутту. Сниму для тебя дом и стану к тебе приходить. Мы будем счастливы.

– Но сперва ты женишься...

– Мне придется, – с горестным вздохом подтвердил Киран. – Иначе отец разгневется и лишит меня наследства.

Он говорил правду, ибо не хотел ей лгать, и все-таки девушка надеялась услышать нечто другое. Он мог бы сказать, что его не интересует наследство, что он не желает жениться без любви, что он увезет ее с собой прямо сейчас и они никогда не расстанутся.

– Почему ты не спрашиваешь, согласна ли я покинуть храм? – с легким упреком спросила Амрита.

– Если ты любишь меня, то согласишься, – просто ответил Киран.

– А вдруг ты меня разлюбишь?

– Я никогда не смогу разлюбить тебя! – пылко воскликнул молодой человек.

– Возможно, ты полюбишь свою жену...

– Я не представляю, как можно любить кого-то, кроме тебя.

Зато Амрита хорошо представляла, кого бы смогла полюбить, кроме этого юноши. Ей вдруг захотелось родить, родить ребенка от Кирана. Тогда, даже если он уедет и никогда не вернется, она не будет чувствовать себя одинокой и несчастной.

Назад возвращались молча, переполненные чувствами, усталые и счастливые. Тропинка петляла меж выжженных солнцем густых зарослей колючего кустарника, которые тонули в сиреновой мгле сумерек. Зеленовато-голубая полоса неба на востоке сияла серебристыми звездами, тогда как западная была красной, как кровь.

– Я приду завтра, – прошептал Киран.

– Я буду ждать.

– Я люблю тебя.

– А я тебя.

Задуманное нельзя было откладывать, и, несмотря на поздний час, Амрита отправилась к Хемнолини.

Женщина сидела в своей каморке и тихо молилась. Лампа коптила, колеблемый ветром огонек метался из стороны в сторону. Вокруг пламени вились какие-то мелкие насекомые.

Увидев юную девадаси, Хемнолини умолкла и внимательно посмотрела на нее. Эта пожилая женщина, немало повидавшая на своем веку, сразу насторожилась.

– Что случилось, Амрита?

– Я пришла поговорить.

– О чем?

Девушка присела на корточки и, ничуть не стесняясь, задала вопрос:

– Что будет, если я забеременею?

Хемнолини улыбнулась.

– Родишь.

– Я имею в виду, что будет с моим ребенком? Он останется в храме? Со мной?

– Возможно. Девочка может стать девадаси, мальчик – музыкантом, танцовщиком или служителем храма. Почему ты спрашиваешь? Ты в положении?

– Пока нет. Но я хочу ребенка. От мужчины, которого полюбила. Ты учила нас, как избежать беременности, а теперь я хочу узнать, как сделать так, чтобы наверняка зачать? Дело в том, что у меня осталось немного времени... – Амрита на мгновение замолчала, а потом осведомилась: – Наверное, мои вопросы кажутся тебе странными, Хемнолини?

– Вовсе нет. Женщины не были бы женщинами, если бы не влюблялись и не рожали детей.

– Расскажи мне о судьбе других девадаси, – попросила девушка. – Что происходит с ними после того, как истекает срок их службы богу?

– Срока не существует, Амрита, и ты это знаешь, – строго сказала Хемнолини.

– Достигнув определенного возраста, девадаси уже не могут танцевать и принимать паломников, – возразила девушка.

– Судьбы разные, – задумчиво промолвила Хемнолини. – Кто-то живет в храме до глубокой старости и кормится милостью паломников и жрецов, другие становятся наложницами богатых людей, третьи покидают храм еще в молодости и зарабатывают чем придется: танцами, а иногда и проституцией. Некоторые рожают, иные остаются бездетными. Кому как повезет.

– Этот мужчина говорит, что вернется за мной и увезет меня в Калькутту, – призналась Амрита.

Хемнолини покачала головой.

– Ты красива, умна и талантлива, твое искусство еще долго не утратит своей силы! Здесь ты находишься в безопасности, под защитой Шивы. Мир за стенами храма коварен, опасен и обманчив. Не стоит полагаться на мужчин – их сердца переменчивы и неверны.

Тебе придется быть игрушкой в чужих руках, мириться с положением содержанки, потому что ни один мужчина не женится на девадаси. Здесь к тебе относятся как к богине, там же станут смотреть как на обычную проститутку.

Поблагодарив Хемнолини, Амрита вернулась к себе и поведала Таре о разговоре с пожилой девадаси.

– Зачем тебе ребенок? – с изумлением воскликнула подруга. – Разве тебе не хотелось родить ребенка от Камала?

– Конечно, нет. Что бы я стала с ним делать? Да и Камал пришел бы в ужас, если бы это случилось, – ответила Тара. Потом призналась: – Я решила убежать с англичанином.

Амрита прижала ладони к горящим щекам.

– Только не это! Ты погибнешь!

– Пусть погибнет тот, кто останется здесь, – мрачно произнесла Тара и добавила: – Ты знаешь, о ком я.

Амрита покачала головой.

– Я бы не стала желать зла тому, кого люблю. Не важно, что он совершил.

– Просто тебе не приходилось так сильно страдать, – сказала Тара.

– Куда он тебя увезет? Ты знаешь?

– В Калькутту, в крепость, где живут военные.

– Тебе придется жить среди мужчин?! – Амрита была поражена.

– В крепости много офицерских семей. И... пусть кто-то попробует меня обидеть! – заявила Тара.

– Как ты будешь объясняться с англичанином?

– Он немного знает хинди, а я постараюсь научиться понимать его язык.

– Тебе с ним... хорошо? – прошептала Амрита.

Тара равнодушно пожала плечами.

– Ему хорошо со мной! – Она сделала ударение на первом слове.

– Он тебя любит?

Девушка усмехнулась.

– Разумеется, нет. Просто я знаю, что ему нужно от меня, и постараюсь получить от него то, что нужно мне. Джеральд – настоящий мужчина, а не избалованный ребенок, как Камал. Он способен защитить женщину, которая дарит ему радость. – Она сняла с себя тали, знак «жены бога», который носила четыре года, покрутила в руках и небрежно бросила на пол. – Вот и все! Прости, Шива, ты не оправдал моих ожиданий! Отныне я не твоя жена!

У Амриты мелькнула мысль, что дерзкая выходка подруги смахивает на святотатство, но она промолчала.

– Неужели мы никогда не увидимся? – с грустью произнесла она.

– Думаю, нам доведется встретиться. Я знаю, где тебя найти. – Тара улыбнулась. – К тому же Джеральд и Киран знакомы. – Киран... – Амрита вдохнула. – Он скоро уедет.

– Тебе не кажется, что он предает тебя так же, как меня предал Камал? – спросила Тара, глядя на подругу безжалостными глазами. – Если он любит тебя, зачем ему жениться на другой?

– Я никогда не потребую от него такой жертвы: отказаться от своего мира, бросить все ради меня! К тому же я девадаси, мне нельзя выходить замуж.

– Мне тоже запрещено покидать храм, а я возьму и убегу! – Тара засмеялась.

– Как ты думаешь это сделать?

– Через пролом в стене, который показала тебе, когда мы были еще девчонками.

– Ах да! – вспомнила Амрита. – Я и забыла.

– Потому что ты не собиралась менять свою жизнь. Я давно заметила, что мы с тобой разные, – сказала Тара.

– Разве это важно?

– Нет. Все равно я тебя люблю и буду любить всегда!

Девушка улыбнулась особенной, присущей только ей улыбкой, которая в последнее время нечасто появлялась на ее лице, но обладала удивительной притягательной силой.

– Послушай, Тара, – Амрита устала в пол, – я должна кое в чем признаться. Думаю, это поможет тебе забыть и меня, и все, что связано с храмом. Ты помнишь посвящение в девадаси?

Тара усмехнулась.

– Такое не забывается.

– Я тоже помню – свое. Я солгала, когда сказала, что в роли Шивы выступал Виджай. Мне не хотелось тебя ранить, я боялась потерять твою дружбу. На самом деле это был... Камал.

Я побывала в его объятиях раньше, чем ты. Это случилось все го лишь раз. Первый раз в моей жизни.

Наступила оглушающая тишина. Амрита закрыла глаза. Ей чудилось, будто она корабль, по парусам которого хлещет стремительный, резкий, могучий ветер, несущий ее через океан, на другой край земли.

Потом девушка почувствовала, как ее обнаженного плеча коснулась горячая рука Тары, и услышала спокойный и уверенный голос подруги:

– Спасибо. Спасибо за то, что сказала об этом только сейчас.

Девушки проговорили всю ночь и поклялись никогда не забывать друг друга. На рассвете, когда Тара собралась уходить, они обнялись и горько расплакались. Их связывали десять лет жизни в храме, общие переживания, секреты, восторги и обиды, нечто такое, чего не дано понять никому другому, тому, кто не положил детство, юность, любовь, мечты, надежды и честь на алтарь бога Шивы.

Кругом стояла тишина, только было слышно, как шелестит листва. От влажной, покрытой росой земли, сочных трав поднимался сильный запах свежести. Вдали темнела полоса деревьев и чернел город, напоминающий нагромождение огромных камней.

Тара выбралась наружу через пролом в стене, а потом аккуратно заложила его. Джеральд помогал ей.

Они спустились вниз по едва заметной тропинке. Дул прохладный ветер. Рассветное небо казалось глубоким и чистым.

Танцевальные костюмы девушка оставила Амрите. С собой взяла только любимые украшения, без которых не может существовать ни одна индианка.

Сожительство англичан с индианками не запрещалось, но и не получало особого одобрения. Считалось, что лучше «не портить кровь», к тому же камнем преткновения являлся вопрос веры.

Томас Уилсон, воспринявший решение приятеля как блажь, тем не менее предпочел помалкивать. Зато он очень заинтересовался существованием тайного пролома в стене и подробно выспрашивал, где тот находится.

Джеральд искося посматривал на Тару, размышляя о том, что подумают и скажут сослуживцы, когда он приведет в Форт-Уильям индийскую девушку. Ей придется жить в его холостяцкой комнате, есть скудную солдатскую пищу, возможно, терпеть косые взгляды, насмешки и враждебное отношение обитателей форта. Прежде большую часть жалования Джеральд отсылал матери, в Лондон, теперь ему придется содержать любовницу.

Он не знал характера Тары, не представлял, что заставило ее покинуть храм. Уговаривая девушку бежать в Калькутту, молодой человек был ослеплен разыгравшейся страстью, которая затмила доводы разума, заслонила весь белый свет.

Джеральд был одинок, и ему хотелось создать семью. Что-то подсказывало молодому человеку, что с Тарой это вряд ли удастся сделать. Она – танцовщица, девадаси, звезда! – не была создана для семейной жизни. Да и Джеральд не был уверен в том, что будет стремиться к долгим и прочным отношениям с ней. Тем не менее он вовсе не собирался обманывать, предавать и бросать девушку, которая доверила ему свою судьбу.

Англичанин вспоминал сестру Кирана, Джаю. Вот кто мог бы стать настоящей звездой его сердца! Для того чтобы это понять, молодому офицеру хватило одного-единственного взгляда. Но мечты об этой девушке казались недостижимыми. Она индианка, дочь заминдара и к тому же выходит замуж.

Тара съезжилась и молчала. Странная грусть тяжким грузом легла ей на сердце. Она оставила позади прошлую жизнь, дом божества, который был и ее домом. Храм с его павильонами для паломников, залами для молящихся, бассейнами для священных омовений, пристройками, в которых хранились одеяния бога и колесницы для статуй, представлял собой целый мир и был похож на город-крепость. Семнадцать лет он служил для нее укрытием, и теперь Таре казалось, будто ее со всех сторон обдувает холодный, резкий ветер. И все же она не жалела о своем решении.

Когда они спустились с холма и вступили в густые заросли, Джеральд повалил девушку на траву и с грубоватой поспешностью, по-солдатски овладел ею. Это тоже был своеобразный ритуал посвящения, символизирующий то, что отныне Тара принадлежит ему и он волен распорядиться ее судьбой.

Девушка была ошеломлена, но покорилась. Она привыкла к тому, что занятия любовью сопряжены с долгой и изощренной подготовкой к телесному акту, но неожиданно для себя ис пытала наслаждение.

Волосы Тары растрепались, одежда промокла от росы. Джеральд помог ей встать и принялся неумело поправлять ее сари. Потом, охваченный внезапным порывом, опустился на колени и поцеловал босые ступни индианки. Когда же он выпрямился, то увидел, что девушка плачет.

– Я тебя обидел? Прости! – растерянно прошептал Джеральд, забыв о том, что она не знает английского.

Однако Тара поняла. Она покачала головой и прильнула к его плечу, а он нежно погладил ее блестящие черные волосы.

Амрита и Киран стояли друг против друга. Угасающее солнце освещало их лица. Время приостановило безудержный бег, и сердца молодых людей переполняла радость настоящего момента, радость жизни.

На самом деле время было неумолимым, но Амрите не хотелось об этом думать. В те минуты, когда Киран находился рядом, ее с невиданной стремительностью уносило в мир спасительного забвения. Девушка ощущала себя счастливой просто оттого, что существует на этом свете. И что на свете есть тот, кого она полюбила.

Киран, впервые познавший вожделенную тайну любви, был благодарен Амрите и понимал, что никогда не забудет об этом. Он искренне верил в то, что рано или поздно вернется и увезет девушку с собой.

Амрита вовсе не желала, чтобы ее душа превратилась в незаживающую рану. Девушка хотела чувствовать себя спокойной, удовлетворенной и счастливой даже после того, как Киран уедет. Именно потому она очень надеялась, что у нее будет ребенок от любимого. К тому же она знала, что, забеременев, не сможет исполнять некоторые храмовые ритуалы.

– Ты будешь меня ждать? – спросил Киран.

Амрита не понимала, что он имеет в виду. Если ей не удастся забеременеть или если он не вернется достаточно быстро, ей попрежнему придется принимать паломников. Таковы обязанности девадаси, и она не сможет от них уклониться.

Теперь девушка по-настоящему понимала Тару, которая хотела быть только с любимым.

Киран обнял Амриту и крепко прижал к своему сердцу.

– Приезжай! Приезжай как можно скорее! – задыхаясь, проговорила она, оторвавшись от его губ. – Я буду думать о тебе каждый день!

– Я обязательно приеду, – прошептал он.

Амрита прикоснулась к щеке Кирана, и ее пальцы стали влажными от его слез.

– Не надо, – выдавила она.

– До того как познакомиться с тобой, я не умел ни смеяться, ни плакать.

– Неужели любовь приносит только страдания? – вздохнув, спросила Амрита.

– Когда я думаю о том, что нам придется расстаться, мне кажется, что это именно так.

Когда Киран уехал, девушка целые сутки лежала в постели и думала. Теперь она понимала: если бы возлюбленный позвал ее за собой, сказал, что согласен жениться на ней, она бы оставила службу в храме. Но Киран женится на другой. И вернется или нет – неизвестно.

Никто не поможет ей, никто не в силах облегчить ее страдания! Разве что бог, которому она посвятила свою жизнь. С Шивой было связано множество легенд, повествующих о его чудесных явлениях людям, о неожиданных превращениях, о магическом покровительстве и божественных играх.

Известно, что мир и жизнь двойственны: с одной стороны, они заставляют человека страдать, с другой – вдохновляют и подталкивают к поискам свободы.

Так что же такое свобода и счастье – самоотречение во имя служения высшим силам, чему-то великому и вечному, или любовь двух смертных существ, чья жизнь подобна вспышке искры в безбрежном мраке?

Кто способен дать ответ на этот вопрос, если не единственный, беззаветно любимый бог, к которому она никогда не обращалась с просьбами!

Амрита встала и пошла в храм. Стояла ночь, и там было тихо и темно. Девушка опустилась на колени и вполголоса произнесла священные слова.

Вдруг она услышала чей-то шепот. Кто-то точно так же взывал к Шиве – голос человека был полон отчаяния и тоски.

Полная любопытства, Амрита повернула голову и увидела... Камала.

Он не смутился; казалось, напротив, был рад ее присутствию.

– Здравствуй, Амрита.

– Здравствуй, – тихо сказала она.

Повинуясь одинаковому желанию, они вышли из храма.

– Ты много раз спрашивала у меня совета, – без предисловий начал Камал. – Позволь обратиться за советом к тебе!

– Я тебя слушаю.

– Скажи, где Тара? Девушки болтают, будто она сбежала из храма.

Амрита посмотрела в его темные глаза. В них застыло выражение растерянности, беспомощности и горя. Девушка не ожидала увидеть Камала таким и ответила:

– Это правда. Она уехала с англичанином. Боюсь, мы никогда больше не увидим ее.

Камал ужаснулся.

– О нет!

– Тара разочаровалась во всем, во что верила, – сказала Амрита и, не выдержав, воскликнула: – Зачем ты ее предал?!

– Я испугался, – подавленно произнес Камал. – Испугался, что у меня отнимут то главное, ради чего и чем я жил. Прогонят из храма, лишат возможности служить Натарадже. Я слишком легко относился к нашей связи, думал, что нас соединяет только телесная страсть. Я думал, что сумею вычеркнуть Тару из своей жизни. Не получилось. Дни и ночи кажутся

мне пустыми. – Он сделал паузу и продолжил: – Тебе известно, что я участвовал в посвящениях девушек в девадаси. Теперь мне кажется, Тара тоже посвятила меня во что-то такое, чего я прежде не знал. Рядом со мной никогда не было человека, который любил бы меня так, как эта девушка. Она любила бескорыстно, преданно, самозабвенно, не как «живого бога», а как обычное смертное существо. Иногда мне казалось, что Тара была бы рада отдать за мою любовь все сокровища мира, все, что она имеет, – и свою душу, и свое сердце. Когда люди искренне любят друг друга и следуют зову любви, это и есть драхма!¹⁴ Вот оно – подлинное служение богу! Я понял это слишком поздно и теперь страдаю. Что мне делать, Амрита?

– Тара была бы счастлива услышать твои слова, – прошептала девушка. – Значит, ты ее любишь?

– Да.

– Ты опоздал! – сказала Амрита, и ее слова прозвучали как приговор. – Она никогда не вернется назад.

– Как мне жить? – с тоской произнес Камал. – Меня ничего не радует, я думаю только о ней.

– Не знаю. – Девушка завернулась в сари и, не оглядываясь, пошла к себе.

Ей казалось, что на душе у нее лежит тяжелый камень.

Можно было бы посоветовать Камалу поехать в Калькутту и попытаться отыскать Тару, но она знала, что он не станет этого делать. Так же, как и Киран, скорее всего, никогда не придет за ней.

Спустя месяц Амрита заявила служителям храма, что ждет ребенка, и попросила разрешения съездить в родную деревню. Она хотела навестить родителей.

Верховный жрец был недоволен, но согласился ее отпустить. Амрита принесла храму много денег и заслуживала снисхождения. Беременность девадаси была нежелательна; тем не менее произведение на свет потомства было угодно Шиве, покровителю плодородия.

В дороге Амрита старалась понять, что происходит в ее душе. В течение десяти лет она не покидала храм и теперь видела перед собой непонятный, полный противоречий и отчасти страшный мир, где люди не ведали, для чего живут, и никогда не задумывались над этим. Они беспокоились только о том, как выжить и сохранить жизнь своих детей.

Живы ли ее родители? Цела ли их хижина? Девушка боялась обнаружить на месте родного дома чужих людей, развалины или того хуже – пустоту.

Амрита с трудом отыскивала затерявшуюся в джунглях бедную деревушку и ужаснулась тому, что творилось на ее родине.

Большая часть орудий труда была сделана из дерева, сосуды – из глины. Те, кто имел хотя бы пару волов, считались едва ли не богачами. После вспашки комья земли на поле разбивали доской, почти все работы выполнялись вручную.

Девушка прошла по главной деревенской улице, сопровождаемая изумленными взглядами. Собираясь навестить родителей, Амрита оделась скромно, и все же ее наряд поражал яркостью, богатством и новизной.

Посреди деревни была небольшая площадь, служившая местом народных сборищ, от нее расходилось несколько улиц. Иные дома стояли на каменном фундаменте, другие – прямо на земле. Стены домов, точнее хижин, были сделаны из искусно переплетенных бамбуковых планок, крыши покрыты рисовой соломой. Окон не было. За хижинами располагались помещения для скота, если таковой имелся в семье.

Амрита несмело приоткрыла покосившуюся калитку. Девушке пришлось спрашивать, где живут Раму и Гита, и жители деревни, отвечая, разглядывали ее, как диковину.

¹⁴ Драхма – религиозный долг; закон; правила поведения человека в соответствии с его происхождением.

На пороге хижины сидел худой, кожа да кости, старик и безучастно смотрел в пространство тусклыми, слезящимися глазами. Согбенное тело, морщинистая, испещренная пятнами кожа, редкие волосы.

Амрита предполагала, что ее отцу немногим за сорок. Служившие в храме мужчины такого возраста выглядели моложавыми и крепкими.

– Отец?

Старик повернул голову и посмотрел на нее так, будто она – апсара¹⁵, внезапно спустившаяся с небес. Открыв рот, он замер, не в силах произнести ни слова. В этот миг на пороге хижины появилась женщина, наполовину седая, худощавая, но еще крепкая, с темным не улыбающимся лицом. Ее глаза были похожи на потухшие угли, вставленные в глазницы.

– Кто там, Раму?

– Мама! – воскликнула девушка.

В отличие от мужа Гита сразу узнала дочь.

– Амрита! Ты... вернулась!

– Я приехала вас навестить, – смущенно промолвила та и обняла родителей.

Гита провела дочь в дом и, как водится, достала скудные припасы, чтобы приготовить угощение. Женщина старалась не показывать, насколько ее ошеломил ухоженный, цветущий вид дочери. Вне всякого сомнения, Амрита хорошо питалась, никогда не занималась тяжелой работой, к тому же была разодета, как принцесса, и выглядела настоящей красавицей.

Девушка попросила родителей рассказать о том, как они живут.

– Своих посевов у нас давно нет, скотины тоже – все, что можно, забрали за долги. Твои сестры замужем; некоторые вышли за односельчан, других просватали в соседние деревни. У нас уже девять внуков! Сыновья пока живут с нами. Ромеш помогает кузнецу, Васу нанялся к соседу – работает в поле. Мы с Раму пытаемся делать циновки и продавать, но это не приносит большого дохода. Да что там, главное – не умереть с голоду! – рассказывала Гита.

Амрита вынула большой кошелек, в котором была тысяча рупий, и протянула родителям.

– Откуда... это? – в изумлении прошептал Раму.

– Мне дали в храме. В благодарность за то, что я хорошо служу богу, – ответила девушка.

– А о себе ты подумала? Разве тебе ничего не нужно? – Гита внимательно посмотрела на дочь.

– У меня все есть.

– Ты не жалеешь о том, что мы отдали тебя в храм? – помолчав, спросила мать.

– О нет! Я счастлива, что вы посвятили меня богу.

Увидев, как живут родители и их односельчане, Амрита окончательно уверилась в том, что ей выпала завидная судьба.

Девушка не собиралась посвящать отца и мать в подробности своей жизни, но Гиту было трудно обмануть.

– Ты ждешь ребенка?

Дочь смутилась и кивнула.

– Ты вышла замуж? – спросила мать, видя на ней тали.

– Я девадаси, супруга Шивы. У меня нет и не может быть другого мужа.

Амрита боялась, что мать спросит о том, кто же тогда отец малыша. Она не знала, как сказать родителям правду. В деревне строгие порядки; едва ли Раму и Гита поймут, как можно делить ложе любви с самыми разными мужчинами!

¹⁵ Апсара – божественная танцовщица, фея.

Однако родители не стали ее расспрашивать. Главное, их дочь была жива-здоровая и довольна своей участью.

Амрита успокоилась. Теперь она понимала, почему Раму и Гита ни разу ее не навестили. У них попросту не было денег на дорогу.

Девушка хотела помочь матери в работе по дому, но Гита с негодованием отвергла ее попытки.

– Не порти руки! Твое дело – танцы. Ты рождена для другой, лучшей жизни.

Амрите очень хотелось научиться вести домашнее хозяйство, готовить еду – как будто это могло что-то изменить в ее судьбе.

В храме служило множество поваров и их помощников, и никто не смел прикасаться к горшкам, в которых они варили пищу. Там были работники, убиравшие храм и помещения, в которых жили девадасы, а также те, кто стирал одежду, изготавливал украшения, плел цветочные гирлянды.

Амриту научили следить за своей внешностью, наносить грим, делать прически, правильно выбирать драгоценности и наряды. Она была «женой бога», а не обыкновенного мужчины, для которого нужно стряпать и шить, наводить порядок в доме. Амрита понимала, что многие девушки сочли бы ее счастливницей, и все-таки иногда ей становилось не по себе.

Тара была права, когда говорила: «Когда ты здесь, кажется, что свобода – там, и наоборот».

На следующий день все соседи под каким-нибудь предлогом побывали в хижине Раму и Гиты. Их посетили даже староста и жрец.

– Появление девадасы в нашей деревне – счастливый знак! – заявил последний. – Быть может, на нас снизойдет милость великого Шивы!

– Я помолюсь за вас в храме, – улыбнулась Амрита.

Родители были счастливы. Вся деревня восхищалась красотой, приветливостью, грацией и нежностью их дочери! Сестры Амриты тоже пришли посмотреть на самую младшую, которой выпала такая удивительная судьба, и девушка заново познакомилась с ними.

Раму улыбался.

– Все-таки старый плут Бхадра был прав: седьмая дочь родилась под счастливой звездой!

– Помнится, я сильно переживала, когда произвела на свет седьмую девочку, – сказала Гита. – Теперь понимаю, что именно ты – истинный дар богов!

– А я хочу родить девочку, – призналась матери Амрита.

– Ты желаешь, чтобы дочь повторила твою судьбу?

– Не знаю, – задумчиво произнесла девушка.

Для того чтобы стать девадасой, Амрите пришлось покинуть родной дом и вырасти без материнской любви. Ее ребенок будет жить по-другому. Она окружит его заботой и лаской, постарается сделать так, чтобы он ощущал себя в окружающем мире, словно рыба в воде, чтобы верил в присутствие высших сил и защиту Шивы.

Глава VIII

Предательство

По углам Форт-Уильяма были расположены четыре бастиона с сорока пушками. В центре крепости находился большой плацпарад и административные здания, вдоль крепостных стен тянулись бараки с темными и сырыми, похожими на камеры комнатами, в которых обитали служившие в гарнизоне военные, по большей части солдаты и младшие офицеры.

За год жизни в форте Тара хорошо освоилась с его порядками и довольно сносно стала понимать английский. К изучению языка ее побудили замечания, которые отпускали сол-

даты и которыми обменивались английские дамы. В Форт-Уильяме было довольно много женщин: жены офицеров, их служанки, проститутки. Тара была единственной индианкой и возбуждала всеобщее любопытство.

Как и многие коренные жители Индии, девушка обладала врожденной способностью к языкам; она быстро запоминала слова и с легкостью строила фразы. Однажды, услышав, как жены английских офицеров называют ее «цветной девкой», Тара, не вполне понимая, что делает, пустила в ход ругательства, которым научилась от солдатни, и дамы в ужасе обратились в бегство.

Мужчины ее остерегались. Стремительная, порывистая, гибкая, со сверкающими черными глазами, она казалась опасной, как дикая кошка.

Джеральд Кемпион, в чьей комнате обитала Тара, привязался к индианке, хотя быстро понял, что девушка его не любит, а использует в каких-то своих, непонятных для него целях. Тара никогда не раскрывала ему душу, и молодой человек не знал, какие горести терзают ее сердце, какие мысли тревожат разум.

Она оказалась девушкой неробкого десятка и легко приспособилась к новой жизни. Тара отличалась непростым характером; случалось, она выходила из себя или, напротив, замыкалась в мрачном молчании. Между тем бывшая танцовщица была непритязательна и никогда не требовала ни нарядов, ни денег, что непременно сделала бы английская содержанка. Тара не любила заниматься домашним хозяйством и совсем не умела готовить. Она не была похожа ни на европейек, ни на других индийских девушек, потому что выросла в совершенно особых условиях.

Джеральду по-прежнему нравилось с ней спать, но больше их ничего не сближало.

За прошедший год в жизни форта произошло мало событий. Как и прежде, английские офицеры и служащие торговой компании пытались обогатиться всеми возможными способами: предпринимали карательные экспедиции и взыскивали с населения незаконные налоги, тайком торговали продовольствием и оружием, занимались вымогательством. Случалось, они не могли поделить награбленное, и тогда возникали ссоры и склоки.

Три месяца назад Томас Уилсон, вступивший в спор со своим начальником, был уличен в казнокрадстве, разжалован в младшие офицеры и смещен со своего поста. Джеральд Кемпион, напротив, получил повышение. Он был известен своей неподкупностью и честностью, к нему хорошо относились и соотечественники, и туземцы.

Ни тем, ни другим не нравилось, что он открыто живет с индианкой, но все помалкивали: в конце концов, Тара не была его законной женой и он мог избавиться от нее в любой момент.

Недавно Джеральда Кемпиона пригласили на свадьбу, свадьбу Кирана с девушкой по имени Мадхур, дочерью богатого индийского купца. Киран просил Джеральда прийти вместе с Тарой. Он хотел, чтобы она станцевала для гостей: присутствие девадаси на свадьбе считалось счастливой приметой.

– Я не пойду, – заявила Тара. – Этот человек обманул Амриту! Он обещал приехать за ней, но так и не сделал этого!

– Киран говорил, что свадьба по разным причинам откладывалась. Вероятно, до женитьбы он не мог выехать из дома. Надо пойти, Тара. Отец Кирана – богатый землевладелец, отказ будет воспринят как оскорбление.

Девушка состроила гримаску.

– Разве не вы, англичане, вершите судьбы индийцев?

Джеральд едва сдержался, чтобы не вспылить. Что ему не нравилось в Таре, так это ее острый язык и манера прямо и резко высказывать свое мнение.

– Заминдар обладает большой властью, с ним нужно считаться.

Передавая Кирану свое согласие, Джеральд неловко поинтересовался:

- Как поживает ваша сестра?
- Джая вышла замуж три месяца назад.
- Она придет на свадьбу?
- Конечно.

Джеральд так и не смог забыть нежную, скромную девушку – идеал истинной индианки.

- Буду рад с ней повидаться.

Киран ничего не ответил. Ему не нравилось, что англичанин проявляет интерес к Джае. К тому же молодой офицер открыто жил с Тарой. Сама Тара тоже не вызывала в нем добрых чувств – она казалась Кирану чересчур самоуверенной и распушенной. Однако отец, считавший, что выступление девадаси несказанно украсит праздник, настоял на том, чтобы позвать танцовщицу на свадьбу.

Киран знал, что виноват перед Амритой. Но свадьба в самом деле несколько раз откладывалась. Отчасти это было связано с тем, что после внезапной смерти управляющего имением господин Рандхар настоял на том, чтобы сын занялся делами заминдари¹⁶. В результате Киран целый год был настолько загружен, что и думать не смел о поездке в Бишнупур. К тому же молодой человек не был уверен в том, что отец одобрит его затею привезти в Калькутту любовницу, не дождавшись бракосочетания с Мадхур, и не воспрепятствует его отношениям с Амритой.

Таре казалось странным, что ей придется танцевать на свадьбе возлюбленного своей лучшей подруги. Что ж, зато она сможет рассмотреть невесту Кирана и рассказать Амрите о сопернице. Желание навестить подругу давно зрело в душе Тары. Она бы съездила в Бишнупур еще несколько месяцев назад, но девушку останавливала мысль о том, что в храме она наверняка встретится с Камалом.

Джеральд был в красном мундире, треугольной шляпе и парике, а Тара надела фиолетовое сари с ярко-желтой каймой, звенящие золотые украшения, вплела в волосы золотистые, красные и розовые цветы.

В богатом доме заминдара царила праздничная суeta. Среди гостей были как изысканно одетые европейцы, так и индийцы в пышных тюрбанах с брошью из драгоценных камней и элегантными перьями.

Как и предполагал господин Рандхар, появление офицера колониальной армии под руку с красавицей индианкой, да еще говорящей по-английски, произвело ошеломляющее впечатление, особенно когда гости узнали, что девушка – бывшая храмовая танцовщица, девадаси.

Киран, поклонник европейской культуры, пригласил на торжество англичан, и поэтому свадьбу нельзя было назвать чисто индийской. Это пришлось не по нраву родителям невесты и кое-кому из родственников, например мужу Джаи, немолодому брахману, который был очень религиозен и фанатично следовал обрядам.

Мадхур в ярко-розовом свадебном сари, увешанная драго ценностями и украшенная цветами, сидела рядом с женихом. Она не поднимала глаз и старалась спрятать лицо под покрывалом, как подобает застенчивой невесте, и все же Тара смогла разглядеть, что девушка очень молода, не старше четырнадцати-пятнадцати лет. У Кирана было серьезное, скорее даже отсутствующее выражение лица, не вязавшееся с парадным одеянием и праздничной атмосферой.

После того как жрец совершил обряд и начался свадебный пир, Тара незаметно подошла к Кирану, и молодой человек встретился с немигающим взглядом ее острых черных глаз.

¹⁶ Заминдари – основная форма феодального землевладения в Бенгалии первой половины XVIII века. Заминдари было крупным владением, включавшим десятки и нередко сотни деревень.

– Почему вы не приехали к Амрите? – угрожающе прошептала девушка.

Киран вздрогнул. На мгновение ему почудилось, что он слышит голос судьбы.

– Не мог. Я обязательно это сделаю, если... если Амрита меня не забыла.

– Я хорошо знаю свою подругу, – сказала Тара. – Она никогда вас не забудет.

Потом она танцевала для гостей и произвела настоящий фурор, ибо никто из присутствующих ни разу не видел столь самозабвенного погружения в танец. Тара будто парила над бранным человеческим миром, ее искусство было сродни священному действу.

Джеральда Кемпиона не волновали танцы. Улучив момент, он подошел к Джае и поклонился.

– Здравствуйте. Вы меня помните?

– Да, – ответила молодая женщина и покраснела.

К счастью, в этот миг Джая стояла далеко от своего мужа, отца и брата, и они с Джеральдом могли немного поговорить.

Англичанин знал, что не вправе задавать вопрос о том, счастлива ли она в браке. На взгляд Джеральда, ее муж был чересчур угрюм и слишком стар для такой юной, прелестной девушки. Он представил их вдвоем, и у него сжалось сердце.

– Ваша жена очень талантлива, – заметила сестра Кирана.

– Тара мне не жена. При всем желании я бы не смог жениться на индианке – у нас разная вера. Разве что она приняла бы мою, – ответил Джеральд.

Оба замолчали. Молодой человек не знал, о чем говорить с этой девушкой. Ему просто нравилось смотреть на ее нежное лицо и слушать тихий голос, похожий на журчание ручейка в лесной чаще. В отличие от Тары Джая казалась удивительно беззащитной, утонченной. Джеральду чудилось, будто он видит ее хрупкую душу.

Почему истинная мечта всегда недостижима? Почему со временем человек ощущает в себе отсутствие прежних желаний и перестает понимать, для чего существует на свете? Люди надеются исцелиться от пустоты, тревоги и скорби с помощью любви, но часто ли встречается настоящая любовь?

Об этом думал не только Джеральд Кемпион; такие вопросы задавал себе и Киран, когда лежал в брачной постели рядом со спящей молодой женой. Девушка была прелестна и невинна, но он ничего о ней не знал, и она казалась ему чужой.

Он сдержал слово, которое дал отцу, исполнил свой долг, и теперь настало время подумать о себе. Тара сказала, что Амрита не могла его забыть, и это внушало надежду.

Правда, Киран по-прежнему боялся гнева отца, который продолжал поддерживать тесные связи как с колониальными властями, так и с высшим индийским обществом. Господин Рандхар, пристально наблюдавший за жизнью сына, рано или поздно узнает о его внебрачном увлечении и, вполне возможно, станет на сторону Мадхур и ее родителей.

Сам Киран не понимал, что в этом дурного. Многие европейцы содержат любовниц и при этом искренне привязаны к жене. Киран помнил примеры многих известных людей. Жена существует для того, чтобы поддерживать домашний уют и производить на свет потомство, возлюбленная – чтоб разделять с ней восторги любви.

Когда со дня свадьбы прошел месяц, он тайком отправился в Бишнупур.

К этому времени Киран уже понял, что представляет собой его брак. Когда он заговаривал с Мадхур, она опускала глаза и робко соглашалась с его мнением. Девушка знала, что должна беспрекословно подчиняться любым требованиям супруга, и не подозревала, что судьба может дарить наслаждение, волнение и восторг. Любовь? Никто и никогда не говорил ей о любви – только о послушании, преклонении, о том, что она рабыня своего мужа. Сама мысль о том, что женщина способна разделить полную событий, эмоций, борьбы жизнь мужчины, казалась кошмарной.

Мадхур не знала грамоты и ничего не понимала в книгах, которые читал Киран. Она была хорошей женой, послушной и верной, но он не испытывал к ней никакого интереса.

Разумеется, Киран не знал о том, что Амрита родила девочку, которую назвала Аминой¹⁷, он даже не предполагал, что такое может случиться.

В тот час, когда Киран приехал в Бишнупур, молодая женщина вышла на улицу с ребенком на руках и села на край деревянной скамьи.

Амрита еще не вернулась к обычным обязанностям девадаси, потому что ее дочери исполнилось всего три месяца и она кормила ребенка грудью.

За прошедший год молодая женщина передумала о многом.

Амрита боялась, что больше не сможет жить так, как жила прежде, когда ее сердце было свободно, когда она не беспокоилась о собственной судьбе и не имела дочери, о которой нужно заботиться. Но иного выхода не было: Киран не вернулся за ней, значит, ей придется служить в храме.

Укачивая дочь, молодая женщина заметила, что к ней приближается Камал. Амрита старалась его избегать: из-за этого человека она лишилась лучшей подруги!

Камал подошел, и Амрита увидела, что его зрачки расширены и что он не слишком твердо держится на ногах. Очевидно, это было вызвано действием одурманивающих веществ, которые жрецы, случалось, использовали в своих ритуалах.

Взглянув на него, Амрита внезапно подумала о том, что даже столь яркая, ослепительная, необычная красота не всегда приносит человеку счастье.

– Позволь сесть рядом с тобой, – сказал он и улыбнулся.

Амрита молча кивнула.

– Как зовут твою дочь?

– Амина.

– Красивое имя! Какое счастье, что, когда она подрастет, я уже буду дряхлым стариком.

Амрита рассмеялась.

– Ты не будешь стариком, ты будешь привлекательным зрелым мужчиной.

С лица Камала сбежала улыбка, и он сказал:

– Сегодня мне выпал жребий совершить обряд посвящения, но я отказался. Притворился, что болен. Жрецы были недовольны.

– Почему ты решил отказаться? – спросила Амрита.

– Потому что больше не могу выносить всего этого. Старики, снимающие с юных танцовщиц одежду и рисуящие знаки на их телах, испуганные девочки, которых одурманивают, чтобы они не испытывали стыда и не чувствовали боли... – Думаешь, тебя накажут?

– Не знаю, да это и не имеет значения. Верховный жрец сказал, что ко мне приведут нескольких мальчиков: я должен готовить себе преемника.

– Ты огорчен?

– Повторяю, мне все равно.

Амрита долго слушала шум ветра в листве, потом сказала то, что думала:

– Прошу, не разрушай себя, Камал! Я никогда не встречала такой гибкости, красоты, легкости и совершенства движений, как у тебя. Это – твой путь. Не сходи с него. Делай то, для чего ты предназначен. Думаю, тебя не наказали бы за связь с Тарой, даже если бы ты взялся отстаивать свою правоту. Верховный жрец прекрасно понимает, что ты – одно из сокровищ Шивы. Дороже золота и драгоценных камней. Пока ты вырастишь достойного преемника, пройдет вечность. Ты еще долго будешь блистать в танцах и вызывать восторг как паломников, так и служителей храма.

Камал улыбнулся и протянул руки.

¹⁷ Амина – желанная.

– Позволь поддержать твою дочь!

Амрита отдала ему ребенка.

– Какая красивая! – восхитился Камал, посмотрев в личико девочки. – Она... она кажется ненастоящей.

– Тем не менее это единственное «настоящее», что мне при надлежит, – сказала Амрита и спросила: – Ты хотел бы иметь детей?

– Да. Девочку. – В эти минуты Камал был искренен, как ребенок. – И чтобы ее родила Тара. – Он умоляюще посмотрел на Амриту и спросил: – Быть может, мне стоит поехать в Калькутту и разыскать Тару? Попытаться ее вернуть?

Амрита покачала головой.

– Нет. Ты не знаешь жизни за пределами храма, не знаешь людей. С тобой может случиться несчастье. Мне кажется, рано или поздно Тара сама приедет к нам.

– Ты считаешь, это возможно?

– На свете возможно все, во что мы готовы верить, – ответила Амрита, хотя в эти минуты думала иначе.

Тем временем Киран вошел во двор храма и спросил у попавшейся на пути танцовщицы, где найти Амриту. Девушка показала в сторону храмовых пристроек, и молодой человек зашагал по выложенной известковыми плитками дорожке.

Тропинка привела его к приземистому каменному зданию. Возле входа сидела Амрита, Киран ее узнал. Помедлив, он отступил и укрылся за ближайшим деревом.

Амрита выглядела красивее, чем прежде. В бездонных глазах тлел внутренний огонь, тело, едва прикрытое тонким сари, выглядело невероятно соблазнительно. Грудь стала больше, бедра – круче, движения были полны чувственной силы.

Рядом сидел молодой мужчина, отлично сложенный, удивительно красивый. Он держал на руках грудного ребенка и с улыбкой заглядывал в его личико. Амрита с нежностью смотрела на обоих – во всяком случае, так показалось Кирану. Одновременно ему почудилось, что их с Амритой разделяет глухая, непроницаемая стена; он будто увидел осколок давно ушедшего прошлого или случайно заглянул в недостижимое будущее.

Что делать? Подойти, заговорить? Ноги одеревенели и не двигались, а язык словно прилип к гортани. Киран не понимал, что чувствует – разочарование или облегчение. С одной стороны, его терзали обида и ревность. С другой, то, что Амрита нашла счастье с другим человеком, решало многие проблемы. Ему не придется идти против отца или родственников жены, которые тоже имели над ним власть. Он будет избавлен от угрозы скандала, ему не придется рисковать своим положением и имуществом.

Молодой человек отступил на шаг, а затем обратился в бегство. Он не знал, было ли это предательством со стороны Амриты. Наверное, нет. Ведь это он предал ее первым – не приезжал целый год, женился на другой женщине.

Киран уехал в Калькутту, а чуть позже решил перебраться в имение. Вскоре он узнал, что его жена беременна, и окончательно смирился со своим положением.

Накануне отъезда он не сдержался и нашел предлог для того, чтобы побывать в форте, где встретился с Джеральдом и Тарой.

– Я ездил в Бишнупур, – как бы между прочим сообщил Киран. – Амрита живет с молодым мужчиной, у них есть ребенок.

Тара расхохоталась.

– Этого не может быть!

– Тем не менее это так. Я видел все своими глазами. Мужчина держал младенца на руках, а она сидела рядом и улыбалась.

Девушка пожала плечами.

– Это ничего не значит. Вы говорили с Амритой?

– Нет. Я не считал возможным подойти.

– Напрасно. Вы увидели то, что хотели увидеть, а не то, что есть на самом деле, – с обычной безжалостностью заявила Тара.

Когда Киран ушел, она задумалась. Значит, подруга все-таки родила. Таре очень хотелось сказать Кирану, что именно он – отец ребенка Амриты, но она не стала этого делать. Он мог не поверить, к тому же девушка хорошо помнила, что подруга стремилась сохранить свое желание зачать от любимого в строжайшей тайне. Кто знает, возможно, Амрита хочет, чтобы плод их любви принадлежал ей одной?

На следующее утро Тара заявила Джеральду, что уезжает в Бишнупур.

– Я хочу навестить свою подругу.

Джеральд сидел на складном походном стуле и следил за тем, как она собирает вещи. Тара двигалась быстро и стремительно. Год назад эта девушка ворвалась в его жизнь, а теперь уходила из нее. Он немного устал от их непонятных отношений и все-таки был огорчен тем, что Тара его покидает.

– Мне кажется, ты не вернешься, – заметил молодой человек.

Она одарила его улыбкой, но не стала возражать, и Джеральд продолжил:

– Я знаю, ты не была счастлива со мной, потому что меня нельзя назвать избранником твоего сердца.

Тара выпрямилась и выпустила из рук яркую ткань сари.

– Благодаря тебе я изменилась. Узнала другую жизнь.

– Ты стала другой благодаря себе, а не мне. Я тебе больше не нужен, и ты уходишь.

Девушка покачала головой.

– Ты хочешь, чтобы я осталась? Разве я та женщина, которую ты желал бы видеть своей женой?

Джеральд вновь подумал о Джае, сестре Кирана, своей недостижимой мечте. Он и она были похожи на две звезды, но каждая из них совершала свой собственный путь, и потому им не суждено встретиться.

Англичанин встал, подошел к индианке, положил руки ей на плечи и сказал:

– Я хочу, чтобы ты запомнила, где меня можно найти, если тебе понадобится помощь.

В тот вечер Джеральд долго сидел в одиночестве и размышлял. С Тарой ему довелось пережить незабываемые минуты страсти, но этого было мало для сердца, изнывающего в бесплодной надежде на встречу с родной душой.

Джеральду нравилась Индия, он успел полюбить ее огромные, оглашаемые криками диких животных равнины, жаркое солнце, безумное сочетание роскоши и нищеты. Но его родиной была Англия, и здесь его считали чужаком. Было бы глупо надеяться, что эта страна примет его как родного, или мечтать о том, чтобы его полюбила индийская женщина.

Тара прожила в его комнате целый год, и здесь еще витал запах ее духов, одежды, волос, тела. Теперь его ночи вновь станут одинокими и у него появится много времени для того, чтобы размышлять о своей жизни, о настоящем, прошлом и будущем.

Джеральд собирался ложиться спать, как вдруг в комнату скользнула чья-то фигура.

Молодой человек вскочил и взялся за саблю.

– Брось, Джерри! Это я.

Джеральд облегченно вздохнул.

– Томас! Откуда?

– Решил навестить старого друга... Где твоя индианка?

– Она уехала.

– Это хорошо. Поговорим без свидетелей. Если, конечно, ты не боишься, что тебя застанут в компании разжалованного офицера, изгоя и казнокрада.

– Не говори чепухи. Лучше расскажи, как живешь и что привело тебя ко мне.

Джеральд предложил приятелю сесть. Томас выглядел неважно: потускневшие глаза, осунувшееся лицо, потрепанный, небрежно застегнутый мундир.

— Два месяца я шатался по разным глухим местам с отрядом таких же несчастных. Нам было нечем поживиться. Отрезанные от цивилизованного мира деревни, вытоптанные дикими слонами поля. Мне до смерти надоела эта страна! Я мог здесь жить, когда получал приличное жалованье, но теперь... Ты прекрасно понимаешь, что воруют все. Мне просто не повезло. В общем, я пришел сказать, что уезжаю. Договорился, что меня возьмут на торговое судно.

— Это будет считаться дезертирством, — заметил Джеральд.

— Не важно.

— Тебе нужна помощь? — спросил Кемпион. — Деньги?

Уилсон усмехнулся.

— Я знал, что ты настоящий друг. Что ты поймешь и не выдашь. Да, мне нужна помощь, но в другом смысле. Помнишь храм, в котором ты нашел свою индианку? С тех пор как мы там побывали, меня не покидают мысли о его богатстве. Когда дело дошло до точки, я решил: вот он, мой счастливый билет, мой пропуск в другую жизнь! Предлагаю пойти со мной. Ночью проберемся в святилище и наберем себе золота. Один я не справлюсь, и мне не хочется посвящать в это дело посторонних людей.

Джеральд резко дернулся, будто его ударили; в светлых глазах вспыхнул яркий свет. Ему хотелось вскочить и выругаться, но вместо этого он твердо и спокойно произнес:

— Я никогда этого не сделаю. И тебе не советую. В том, что касается религии, индусы — настоящие фанатики. Кто только ни пытался обратить их в иную веру: мусульмане, христиане, буддисты. Ничего не вышло. Какой бы нелепой ни казалась нам их религия, они до безумия верят в своих богов. Если попадешься, тебе не поздоровится.

— Не попадусь. А Шива не обеднеет. Жаль, что не хочешь мне помочь. Страшишься возмездия?

— Нет. Просто не могу совершить предательство.

— Кого ты предашь?

— Не знаю, — задумчиво произнес Джеральд. — Что-то святое. Чью-то веру, мечту и чувства.

Глава IX

Убийство

Трое мужчин медленно пробирались по извилистой, узкой тропинке. Огромная желтая, будто восковая, луна сопровождала их, словно гигантский таинственный страж, освещала путь серебряным светом, который струился сквозь листву деревьев и исчезал в густых травянистых зарослях.

На небе сияли жемчужины звезд, ночной воздух оведал лица и тела своим свежим, острым дыханием.

Томас Уилсон часто останавливался и прислушивался. Днем он не без труда нашел дыру в стене, а позже, смешавшись с толпой паломников, пытался понять, насколько хорошо охраняется храм. По ночам ворота запирались, и только. Если не было какого-нибудь праздника, то бог «спал» и то же самое делали жрецы. Здесь вряд ли можно было встретить вооруженного человека или того, кто умел мало-мальски защищаться от нападения.

Сердцем храма являлась особая комната, где всегда царил полумрак и куда допускался не каждый: это было «жилище» бога. Именно там грабители и рассчитывали найти вожделенное золото.

Уилсон и его спутники, чертыхаясь, пролезли через пролом, который Томас еще днем освободил от камней, и, стараясь не стучать подошвами сапог, принялись подбираться к храму.

Он возвышался впереди, подсвеченный тревожным сиянием луны. От этого гармоничного и безупречного в своем совершенстве здания, казалось, исходила какая-то особая чувственная сила. Ночь скрыла от глаз грабителей ослепительное сочетание линий, великолепную скульптурную резьбу, орнаменты и рельефы, покрывавшие его стены. Для них он не был святыней – всего лишь местом, где можно пожить деньгами.

Бывший заместитель начальника гарнизона Калькутты и сопровождавшие его солдаты не договаривались о том, что будут делать, если встретят служителя храма, однако у всех троих имелись сабли и ножи. Томас понимал, что в их интересах – хорошо замести следы. Если станет известно, что ограбление совершили иностранцы, может разразиться скандал. Он не думал о том, что для любого индуса сама мысль о подобном деянии кощунственна и недопустима.

Они вошли в зал для верующих. Перед статуей Шивы распростерся человек. Он молился, а может, молча беседовал с богом. Сначала Уилсон остановился, а потом быстро подался вперед.

Услышав посторонние звуки, человек обернулся, взгляделся в темноту, вскочил, молнией бросился к неприметной боковой двери, но его успели догнать, схватить и приставили к горлу нож.

Несмотря на непредвиденное осложнение, Томас не собирался отступать. Пока один англичанин стерег индийца, двое других обшаривали храм. Им повезло, они нашли и украшения, и золото, которыми доверху набили принесенные с собой мешки.

Как известно, бог Шива обитает не только в любящих его сердцах, но и на полях сражений, в местах сожжения трупов, на перекрестках опасных дорог. Он часто воюет с демонами и другими богами, и никому не удастся его одолеть. Противники веры насылали на него огромного тигра, но Шива завернулся в его шкуру, словно в шелковый шарф, а гигантского змея обернул вокруг шеи подобно ожерелью.

На этот раз все было иначе. Неподвижный бог молча взирал на святотатцев и не только позволил им взять сокровища, но и разрешил увести того, кто посвятил ему свою жизнь и доверил судьбу.

Томас запретил товарищам убивать пленника на территории храма, потому они заставили его пролезть в дыру в стене и привели на край большого оврага, который заметили, когда шли к храму.

– Что будем делать? – спросил один из них, тот, что крепко держал несчастного.

– Он все видел и расскажет жрецам. Те поднимут шум, и тогда нам не удастся скрыться. Придется его убить. Тело сбросим вниз, в овраг. Там растут кусты – едва ли его скоро найдут в этих зарослях. Нет, – остановил Томас товарища, когда тот вынул саблю, – по-другому, так, как это мог бы сделать любой прохожий. Скажем, камнем.

– Я не смогу, – сказал солдат и содрогнулся, представив, как во все стороны брызнут кровь и мозги, а лицо жертвы исказится от предсмертной муки.

– Давай я, – предложил второй. – Это нетрудно, главное, посильнее ударить, чтобы не пришлось добивать.

То, что его собираются убить, пленник понял сразу, как только его привели к оврагу. Преступники не видели выражения его лица и глаз, их не волновало, какие мысли теснятся в его голове, какие чувства бушуют душу и сердце.

Он не сказал им ни слова, потому что не знал их языка, и не стал молить о пощаде, ибо чувствовал, что унижение не поможет ему спастись.

На голову несчастного обрушился страшный удар, кровь хлынула, заливая лицо и глаза. Раздался стон, тело отяжелело, обмякло, дыхание стало судорожным, прерывистым.

– Больше не надо, – решил Уилсон, – иначе здесь будет море крови.

Они подхватили безжизненное тело и швырнули вниз. Оно угодило в самую гущу зарослей и осталось лежать там, не видимое сверху.

Томас забросал окровавленную землю пучками травы. Место было пустынное: пока здесь кто-нибудь пройдет, следы преступления смоет роса или дождь.

Они ушли, и только ветер шумел в листве, по земле ползли длинные тени, а с небес лился призрачный свет звезд и луны.

Тропический лес еле слышно шелестел и вздыхал, впитывая в себя остатки закатного света, напоминающего тлеющие уголья. Над гребнями гор протянулась тонкая алая полоска.

Пылающий шар коснулся вершин, что застыли на горизонте темной стеной. Листва переливалась красноватыми отблесками; казалось, где-то вдали разгорается огромный пожар.

Тара задержалась в пути и прибыла в Бишнупур позже, чем предполагала. Приближаясь к храму, девушка ощущала, как ее сознание и чувства раздваиваются. Одна половинка души тянулась к той жизни, какую она успела изведать за минувший год, другая – навеки принадлежала прошлому.

Тара долго думала, каким путем проникнуть в храм: войти в ворота, как это сделала бы благочестивая паломница, или пробраться через тайный ход. В конце концов она вошла в ворота и сразу направилась туда, где жили девадаси.

Встреча подруг была бурной. Амрита нашла, что Тара выглядит независимой и уверенной в себе. Тара заметила, что Амрита несказанно похорошела и повзрослела: мягкую девичью красоту сменила пламенная женственная сила.

Ее дочь, Амина, была прелестным ребенком с большими черными глазками, бархатистой кожей и нежными чертами лица.

Как и прежде, они проговорили всю ночь.

– Я не останусь в храме, – сразу сказала Тара.

– Вернешься к англичанину?

– Нет, – ответила Тара и добавила, предупреждая вопрос подруги: – Он хорошо обращался со мной, но в конце концов мы оба поняли, что наши отношения не имеют будущего.

– Разве ты сможешь жить одна? – удивилась Амрита.

Тара рассмеялась и обняла подругу.

– Нам всегда говорили, что храм – единственное место, где женщина может жить, не имея мужа, да и то потому, что его заменяет божество. Теперь я уверена в том, что это не так. Если рядом со мной нет того единственного, о котором я мечтаю, я буду жить одна. Девадаси – желанная гостья на свадьбах и прочих празднествах богатых людей. Я сумею заработать на жизнь.

– Жить одной опасно, – заметила Амрита.

– Поверь, я не дам себя в обиду.

Амрита кивнула. Если бы она обладала такой решимостью и такой воистину неженской волей, как Тара, если бы могла, не таясь, смотреть в лицо трудностям и порой тяжелой и безысходной правде, наверное, ее судьба сложилась бы по-другому.

– Я должна рассказать тебе о Киране, – промолвила Тара и взяла руки подруги в свои.

Когда она закончила говорить, Амриту захлестнули противоречивые чувства. Молодая женщина изо всех сил пыталась облегчить боль, вызванную потерянной и обманутой любовью, и... не могла.

– Неужели Киран действительно приезжал в Бишнупур? – прошептала она.

– Приезжал. И теперь он знает о том, что у тебя есть ребенок. Непонятно только, почему он не решился подойти к тебе. Наверное, смалодушничал, как это обычно делают мужчины. А мне заявил, что у тебя есть другой. – Тара презрительно скривила губы.

Амрита печально усмехнулась.

– Какая глупость!

– Я ему так и сказала. Сейчас он в отцовском имении, куда уехал со своей женой.

– Какая она? – помолчав, спросила Амрита.

– Юная, хорошенькая и... никакая. Обыкновенная индийская девушка, безмолвная, безропотная, безлика, как тень.

– И все-таки Киран выбрал ее, а не меня.

– Потому что испугался. Испугался потерять свой мир, а проще говоря, свою выгоду, безопасность... совсем как Камал!

Амрита, ожидавшая, когда Тара обмолвится о своем бывшем возлюбленном, встревоженно обронила:

– Камал пропал.

Тара невольно напряглась, в глазах появился неприкрытый страх.

– Что значит «пропал»?

– Исчез. Его нигде нет.

– Не может быть! – воскликнула Тара. – Камал никогда не покидал территорию храма!

– Знаю. Потому и тревожусь.

– Что говорят жрецы? Они его искали?

– Неизвестно. Я всего лишь танцовщица, и мне не доверяют секретов. Если случилось что-то серьезное, мы никогда об этом не узнаем.

– Что же нам делать?!

Тара в волнении сорвалась с места и принялась расхаживать взад-вперед, словно тигр в клетке. Ее глубокий выразительный голос сделался жестким, глухим, глаза смотрели в одну точку и, казалось, ничего не видели, а лицо превратилось в маску.

Она сразу решила, что случилось что-то очень плохое, и с внутренней дрожью подумала: «Вот оно – возмездие!» Возмездие за ее непочтительность к Шиве, за преступную самоуверенность, за непростительное вольнодумство! Бог не пожелал быть милосердным и отнял у нее самое дорогое! Тара вспомнила страстный взгляд Камала, его нежную улыбку, вспомнила, как в гневе желала ему зла и гибели, и из глаз ее брызнули слезы.

Амрита решила не говорить Таре о признании Камала. Если он не вернется, подруге лучше не знать о том, что он тоже страдал от разлуки с ней.

– Я сама его найду. Ты пойдешь со мной, Амрита?

– Прости, мне не с кем оставить Амину.

Когда подруга ушла, молодая женщина легла и прижала к себе спящую дочь. В груди что-то ширилось и росло, и вскоре ей стало больно от горя и непролитых слез. Потом они все-таки навернулись на глаза и медленно потекли по щекам.

Амрите стало ясно, что Киран никогда не вернется. Если он приезжал и не смог заставить себя подойти к ней, заговорить, заключить в объятия, значит, в его сердце не осталось ничего от прежних чувств. Что их разлучило? Время? Условия жизни? Разные стремления и цели? Как ей теперь жить? Храмовые танцы не утратили колдовских чар, но молодая женщина понимала, что никогда не сможет с прежней легкостью совершать ритуал телесной любви с теми, кто безразличен ее сердцу.

Тем временем Тара иступленно молилась Шиве. Она знала с детства, что гибель, разрушение – это такая же важная и необходимая форма существования вещей, как рождение и созидание. И не могла с этим смириться. Она просила высшие силы вернуть Камала, пусть даже он никогда ее не полюбит.

Как и Шива, который, спасая мир от гибели, проглотил яд, несущий смерть всему живому, так и она была готова пойти на любые жертвы, лишь бы спасти любовь всей своей жизни.

Завершив разговор с богом, девушка выбежала из храма и направилась к тайному ходу в стене.

Тара сразу увидела, что проломом кто-то воспользовался. Камал? Зачем? К тому же он ничего о нем не знал. И она не знала другого человека, который с такой легкостью обрек бы себя на добровольное многолетнее и... счастливое заточение в храме.

Девушка вылезла наружу и пошла по едва заметной тропинке. Внешне она казалась спокойной, хотя смертельная тревога была в ее сердце, словно дикий зверь.

Тара не обманулась – она обнаружила на твердой земле засохшие бурые следы, следы крови. Кровь могла быть чья угодно – и человека, и животного, – но предчувствие оказалось сильнее доводов рассудка.

Девушка двигалась вслепую, наугад, подгоняемая ужасом. Она шла по краю оврага, прикидывая, в каком месте можно спуститься вниз. На крутых склонах рос колючий кустарник, и Тара решила поступить иначе: обойти овраг с другой стороны.

Там она неожиданно обнаружила дорогу, ведущую к бедной деревушке, каких было полным-полно в окрестностях Бишнупура и храма Шивы. Когда Тара проходила мимо желтых полей, на которых работали тощие полуголые крестьяне с темно-коричневой кожей и ничего не выражающими лицами, у нее возникла мысль спросить у этих людей, не видели ли они чего-нибудь подозрительного. Но те только качали головами. Дети, подгонявшие буйволов, которые поднимали целые тучи пыли, останавливались и глазели на нее, а кое-кто из них с воплями бежал следом.

Полдня Тара провела под палящим солнцем, расхаживая по округе. Она переходила от хижины к хижине, пока молоденькая девушка, босоногая, в запыленном сари, с тонкими, перевитыми венами, как у древней старухи, руками не ответила танцовщице:

– Да, я нашла человека в овраге, куда ходила за хворостом.

Я так испугалась, что сперва убежала, но потом вернулась обратно. Он был весь в крови. Я позвала на помощь отца и брата. Мы отнесли раненого в деревню, в дом жреца, чтобы тот его вылечил. Но он умер.

На дворе был знойный день, однако Тару колотило так, что зуб на зуб не попадал. Она с трудом выговорила:

– Умер?!

Девушка пожала плечами.

– Наверное, умер. Жрец сказал, что он вот-вот испустит дух.

Его голова была разбита, кости переломаны!

– Отведи меня туда.

По дороге девушка рассказала, что один из жителей деревни видел трех англичан: они шли по дороге рано утром с мешками в руках. Их одежда была испачкана кровью. Мужчина спрыгнул в кустах, и они его не заметили.

Тара вошла во двор дома жреца, осознавая, что идет на жестокую казнь. Девушка понимала: сейчас она может потерять все, чем жили ее душа и сердце, и постареть на сотню лет.

Тара сказала жрецу, почтенному, строгому на вид старику, зачем пришла, и он провел ее в комнату, где лежал раненый.

Застывшее бескровное лицо казалось лицом призрака или мертвеца. Волосы слиплись в бурые сосульки, голова была покрыта кровавой коростой, тело – многочисленными синяками и ссадинами. На икре неестественно вывернутой ноги виднелась рваная рана – несчастный, вероятно, напоролся на острый сук.

Тара была готова погубить весь мир, уничтожить всех людей и проклясть всех богов, лишь бы этим человеком оказался не Камал, но это был он, и ей не оставалось ничего иного, как упасть на колени возле изголовья и прижаться лицом к его бессильно свисавшей руке.

– Любовь моя! О, моя любовь!

За спиной раздался голос:

– Я полагал, что к утру бедняга испустит дух, а он все еще дышит. Его душа не желает покидать тело.

Тара стремительно обернулась. Ее лицо было искажено страданием и гневом.

– Почему вы не отнесли его в храм Шивы?!

Мужчина кашлянул.

– Я сразу решил, что передо мной служитель храма, и отправил людей к тамошним жрецам. Однако те сказали, что в храме не случилось никаких происшествий, никто слухом не слыхивал, что кто-то пропал. Они предположили, что этот несчастный – богатый паломник, на которого напали лихие люди.

Тара заскрежетала зубами. Должно быть, ущерб, причиненный храму, не слишком велик, и жрецы решили закрыть глаза на происшествие. Вероятно, они считали, что Камала уже не вернуть, а потому не стоит портить репутацию могущественного святилища.

Кто он такой? Человек без касты, безвестный подкидыш, чье единственное достоинство и богатство – красота и талант.

Искалеченный, еле дышащий Камал не был нужен ни им, ни Шиве.

Как и Тара, Камал не знал, что побудило родителей оставить младенца на пороге храма. Должно быть, семьи, в которых они родились, были очень бедны и принадлежали к низшим кастам. Возможно, они надеялись, что брошенные ими дети вольются в некое особое сословие, общения с которым не стыдится ни раджа, ни наваб, ни брахман. Так и случилось, только это сословие, как оказалось, тоже живет по своим жестоким законам!

Тара поднялась на ноги и в гневе погрозила кулаком, сама не зная кому. Храму, жрецам. Возможно, даже богу. Испугавшись своего порыва, она вздрогнула и прикусила пальцы, после чего решительно произнесла:

– Мне нужно два сильных буйвола и крепкая повозка. Я ухожу, но скоро буду здесь. Все должно быть готово к моему возвращению. Я вам заплачу.

Ее тон не допускал возражений, и деревенский жрец кивнул.

Тара пустилась бежать и не останавливалась до тех пор, пока не очутилась на территории храма.

У нее не было времени для подробного рассказа, она просто сообщила Амрите, что ей нужны деньги или украшения, которые можно продать.

– Ты не ела и не спала, – прошептала Амрита, глядя на осунувшееся лицо подруги, обрамленное растрепавшимися волосами, и лихорадочно горевшие глаза.

– Боюсь, в ближайшее время мне не придется ни есть, ни спать.

Амрита быстро справилась с поручением. Все девадаси, даже Ила и Хемнолини, дали что могли: золотой браслет, жемчужное ожерелье, серьги, кольцо, ларчик из слоновой кости, зеркало в оправе из серебра.

Все любили прекрасного Натараджу, своим танцем пробуждающего мир к жизни и объясняющего людям цель и смысл их существования на земле.

Амрита протянула подруге туго набитый узел.

– Я пойду с тобой, – сказала она. – Наверняка тебе нужна помощь.

Тара погладила ее по руке.

– Нет. Тебе не стоит смотреть на такое.

– Почему ты не хочешь привезти Камала сюда?

– Потому что по-настоящему он нужен только мне.

Амрита со слезами обняла подругу.
– Я буду молиться за твое счастье!
Остановившийся взгляд Тары был невыносимо тяжелым.
– Мое счастье не стоит ни единой рупии. Помолись за жизнь Камала.

Глава X Исцеление

Небо окутала бледная дымка, от влажной после недавнего дождя земли поднимался удушливый туман. Из-за горизонта выплыло солнце, напоминающее огромное пятно крови.

Джеральд Кемпион вышел из своего дома и направился к центральной площади.

Кое-где солдаты разводили костры – крошечный огонек полз по сухим веткам, тянуло дымком. Сквозь дым просвечивали солнечные лучи, отчего он казался золотистым. На жесткой траве, там, где ей удалось уберечься от солдатских сапог и копыт лошадей, лежала роса, ее капли сверкали в раннем свете, словно камни драгоценного ожерелья. Форт проснулся, ожил – и утро наполнилось привычными звуками. Джеральд почувствовал, что на душе становится легко и светло.

Вдруг он увидел Тару, которая спешила к нему, и застыл как вкопанный. Молодой человек не ожидал, что она вернется, и не знал, радоваться ему или нет.

Джеральд всегда удивлялся тому, с какой непринужденной грацией она двигается. Девушка не шла, а будто плыла над землей, так легка была ее походка. На ней были ярко-зеленые с серебряными нитями, будто сотканные из воздуха, ветра и травы, одежды. Ее губы выделялись на нежном лице ярким цветком, а черные как ночь глаза лихорадочно блестели.

Когда Тара подошла ближе, Джеральд понял: поездка была ей не в радость. Судя по тому, как выглядела девушка, она проделала тяжелый и долгий путь. Волосы ее растрепались, одежда запылилась. Тара с трудом переводила дыхание. В выражении ее лица было много такого, что невозможно выразить словами: смятение и решимость, безумная тревога и безмерное горе.

– Мне нужна твоя помощь! – задыхаясь, проговорила девушка.

– Вижу. Что случилось?

– Один человек находится при смерти. Я хочу, чтобы ты помог устроить его в английский госпиталь в Калькутте. Я помню, ты говорил, что врачи этой больницы творят чудеса!

Джеральд растерялся. Он не мог ничего понять.

– Кто это? Англичанин? Военный?

– Нет. Танцовщик из храма Шивы. Индиец.

Молодой офицер покачал головой.

– Госпиталь принимает только белых.

– Джерри! – Тара вцепилась в его мундир. – Если я не смогу поставить этого человека на ноги, мне останется только умереть.

Ее взгляд был полон такого отчаяния, что Джеральд содрогнулся.

– Что с ним?

– Пойдем.

Тара вывела англичанина за ворота форта, где оставила повозку, и приподняла ткань, которой был накрыт раненый. Тот выглядел просто ужасно. Было трудно понять, почему он до сих пор не умер.

– Кто это сделал? – глухо произнес Джеральд, отводя взгляд.

– Какие-то негодяи. Белые люди. Думаю, они пришли грабить храм, а Камал их увидел. Тогда они увели его с собой, ударили по голове чем-то тяжелым и бросили в глубокий овраг.

Джеральд сжал кулаки. Томас Уилсон! Почему он его не остановил, почему позволил совершить преступление?! Мог ли он подумать, что пострадает не кто-нибудь, а Тара!

Он не стал спрашивать девушку о том, кем ей приходится раненый индеец. Это было ясно без слов.

Джеральд не стал ревновать. Он решил, что нужно попытаться помочь.

Госпиталь размещался на окраине Калькутты, в длинных, крытых тростником бараках. Работавшие в нем люди в самом деле творили чудеса, хотя им приходилось воевать не только с ранами, переломами, укусами насекомых и змей, непонятными тропическими болезнями, но и с пылью, духотой и жарой. Колониальным властям были нужны здоровые и сильные солдаты, потому на нужды тех, кто вышел из строя, отпускалось немного средств. Самые смелые доктора умудрялись сочетать европейские лекарства со снадобьями, которые применяли индийские знахари.

В незнакомой жестокой, суровой стране солдат иностранных армий косили отравления, лихорадка, дизентерия и другие недуги. Застойная вода, влажная жара, непривычная пища отнюдь не прибавляли европейцам здоровья. Для многих из них климат Индии был не менее губительным, чем ядра и пули неприятеля.

Индийцев врачи не любили. Со времен открытия госпиталя они приходили целыми толпами, жаловались по самому ничтожному поводу, умоляли о помощи и беззастенчиво попрошайничали. Страна была наводнена больными, нищими и голодными людьми. Индийцы не обижались, когда их гнали прочь, они лишь жалко улыбались, кланялись, падали ниц и снова просили. Их прогоняли, а они возвращались, оборванные, тощие, лишенные гордости, но полные терпения и тихого несгибаемого упорства.

Через полчаса Джеральд Кемпион вышел на улицу красный и злой.

– Я переругался со всеми, – устало произнес он. – Сейчас принесут носилки.

Все это время Тара расхаживала взад-вперед, глядя прямо перед собой остановившимися глазами, и периодически припадала к телу Камала, не в силах сдержать рыданий.

– Наверное, нужны деньги? – спросила девушка и протянула Джеральду узел с украшениями. – Возьми.

Он отстранил ее руку.

– Ни в коем случае. Я все уладил.

Два хмурых человека несли носилки по заставленному кроватями бараку, а девушка шла следом.

Тара чувствовала, что мужские взгляды прикованы к ней, что обитатели госпиталя оценивающе разглядывают ее. Воздух в помещении был спертым, отовсюду раздавались кашель, стоны и хриплое дыхание больных.

Немолодой издерганный врач осмотрел раненого и сказал:

– Голова, возможно, заживет, а ногу придется отрезать прямо сейчас.

Девушка в ужасе отшатнулась.

– Отрезать ногу?!

– Да. Видите эту рану? Она в плохом состоянии. Если оставить ногу, начнется общее заражение и он умрет.

– Тогда лучше отрежьте голову! – с неожиданной яростью заявила Тара. – Этот человек – земное воплощение Натараджи, он танцует в храме Шивы! Что он будет делать без ноги?! Доктор повысил голос:

– Вы приносите полумертвого человека, хотите, чтобы я вытащил его с того света, да еще желаете, чтобы он танцевал! Это английский госпиталь, мы лечим белых и не принимаем цветных! Стоит взять одного – и вы налетите, словно саранча.

Тара собиралась что-то сказать, но не успела: в комнату заглянул молодой мужчина и твердо произнес:

– Если позволите, доктор Богл, я займусь этим человеком. – Сделайте одолжение, Хартли! – раздраженно произнес тот.

Молодой врач спокойно кивнул и обратился к Таре:

– Прошу вас выйти.

Она покачала головой, но Хартли был непреклонен.

– То, что я собираюсь делать, не для женских глаз. Подождите на улице.

Он сделал решительный жест, и девушка пошла туда, где ее ждал Джеральд.

Когда и Тара, и Богл ушли, молодой врач склонился над раненым. Чьи-то жестокие руки искалечили прекрасное божье создание; если удастся сохранить ему жизнь и вернуть человеческий облик, неизвестному доктору поаплодирует сам Всемогуший.

Фрэнку Хартли нравилось браться за сложные случаи: если дело заканчивалось удачно, он словно поднимался на следующую ступеньку невидимой лестницы, вплетал в незримую ткань Вселенной еще одну золотую нить.

Он знал, что индийцы выносливее европейцев: в тех случаях, когда англичанин умирал, абориген, как правило, выживал. Возможно, им помогали их боги?

Тара стояла возле барака. Она решила, что больше не будет плакать, ибо слезы не могли смыть ее тревогу, неуверенность и горе. Лучше поберечь силы.

Яркое солнце освещало гряды пушистых облаков, золотило их края, отчего они казались похожими на лепестки огромных цветов. Подступавшие к городу заросли джунглей простирались вдаль, как огромное изумрудное море. Окружающий мир казался особенно прекрасным по сравнению с тем, что творилось в душе девушки.

Тара поблагодарила Джеральда и сказала, чтобы он возвращался в форт. Когда молодой человек осведомился, где она собирается жить, девушка промолчала, не зная, что ответить. Джеральд предложил танцовщице переночевать у него, но Тара отказалась. Эта страница ее судьбы была перевернута навсегда.

Спустя два часа молодой доктор вышел на улицу, подошел к Таре и молча протянул ей чашку с какой-то жидкостью. Девушка взяла и залпом выпила, ни о чем не спрашивая, потом пристально посмотрела на него. Доктор Хартли ответил внимательным, слегка удивленным взглядом.

– Что? – чуть покачнувшись, выдохнула Тара.

– Посмотрим. Пока рано говорить, – уклончиво произнес он. – Я сделал все, что мог. Сейчас вам лучше отдохнуть.

– Я могла бы помочь, – сказала девушка. – Мне все равно некуда идти.

Фрэнк Хартли повидал немало индианок, но такую встретил впервые. Стойкая, решительная, излучавшая властную силу, строптивая и в то же время внутренне незащищенная, диковатая. Яркое сари струилось по телу, подчеркивая изящество и гибкость форм, браслеты весело звенели, а глаза были полны черной тоски. Она была очень молода, лет восемнадцати, не больше, но у нее был взгляд зрелой женщины. Он с трудом представлял, в каких условиях она родилась и выросла, кто ее воспитал.

Сам Хартли происходил из бедной английской семьи, не учился в университете, не имел ученой степени, а потому не мог лечить богатых горожан. Свое ремесло он постиг, помогая беднякам, и постепенно научился перевязывать артерии при ампутациях конечностей, исцелять от лихорадки, лечить язвы и даже делать трепанацию черепа. Многие пациенты умирали, но зато Фрэнк получал необходимые знания. Будучи совсем юным, он не испугался и отправился в Индию. Путешествие сулило не только деньги, но и обретение самого ценного, что есть на свете: опыта. Он лечил своих соотечественников после битв при Плесси, Ауде и Бихаре, а потом получил назначение в госпиталь Калькутты.

Впоследствии Тара удивила Хартли еще больше. Она выполняла все, что ей поручали, и никогда не жаловалась. Он не знал, что она ест и когда спит, – казалось, девушка всегда

на ногах, сообразительная, собранная, серьезная. Постепенно ее признали все – и больные, и доктора. Тара успевала ухаживать не только за Камалом, но и за другими пациентами госпиталя.

Присутствие этой молодой, красивой индианки с янтарной кожей и огоньком непокорства в черных глазах облегчало им жизнь. В своем ярком сари и неизменных украшениях девушка напоминала экзотический цветок, чудом выросший посреди голого леса, луч света, внезапно проникший в мрачную комнату.

Иногда в госпиталь приходил Джеральд Кемпион, справлялся, как идут дела, приносил продукты и деньги и, не слушая возражений, отдавал Таре.

Она мало ела, а спала в больничной кладовке, на куче тряпья.

Вскоре начался сезон дождей. Грохот ливня, барабанившего по крыше, оглушал; переполненная водой почва не желала впитывать льющие с неба потоки, и вокруг бараков образовалось настоящее болото. Кое-где протекала крыша; врачи и больные общими усилиями латали дыры. Деревья во дворе неистово раскачивались, и ветер швырял на землю охапки листьев.

В один из таких дней Камал открыл глаза и посмотрел на Тару вполне осмысленным, удивленным взглядом.

Девушка затаила дыхание. Камал приходил в себя и раньше, но едва ли осознавал, где он и что с ним. У него долго держался жар, он метался и бредил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.